ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган Федерации об'единений советских писателей РСФСР

№ 39 (2[illegible]8) 29 АВГУСТА 1932 г. Цена 10 к.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

1 страница
ПЕРЕДОВАЯ. — Международный антивоенный конгресс в Астердаме
Советские писатели и ученые — антивоенному конгрессу.
Письма В. Маргерита и Шервуда Андерсена в «Литературную газету»
2 страница
Ф. Шиллер — Энгельс о революционной поэзии
Трибуна писателя — А. Свирский, П. Скосырев, И. Иволгин
3 страница
И. Анисимов. — Новые французские романы
Беседа с И. Эренбургом
4 страница
Что пишет «лицемерный карандаш»

ПОД РЕДАКЦИЕЙ: Э. Багрицкого, С. Динамова, М. Кольцова, В. Лидина, А. Селивановского, И. Сельвинского, М. Субоцкого, М. Серебрянского, Е. Усиевич.

В первых рядах международного боевого фронта против войны и интервенции

Советские писатели и ученые—антивоенному конгрессу

АНТИВОЕННЫЙ КОНГРЕСС
АМСТЕРДАМ, БАРБЮСУ

Приветствие МОРП

Секретариат Международного об'единения революционных писателей шлет делегатам антивоенного конгресса пламенный привет от имени своих секций в капиталистических и колониальных странах.

Могучий отклик, встреченный обращением Горького, Ромен Роллана и Барбюса в трудящихся массах и среди интеллигенции, свидетельствует о возрастающем понимании надвигающейся угрозы войны и опасности интервенции и о непоколебимой воле к борьбе широчайших слоев работников физического и умственного труда.

Теперь более чем когда-либо необходимо создание железного боевого фронта против зачинщиков империалистической войны и пособников из лагеря международной социал-демократии. Борьба против войны означает борьбу против капиталистического наступления, против фашистского террора, против культурной реакции и варварства, против социал-демократического предательства, означает борьбу за создание единого фронта коммунистических, социал-демократических и беспартийных работников физического и умственного труда для борьбы за победу пролетарской революции.

Желаем, чтобы ваш конгресс продолжал быть ярким светочем, способствующим мобилизации всех эксплоатируемых в капиталистических и колониальных странах на борьбу с войной, на защиту Советского союза —отечества всех трудящихся.

По поручению секретариата МОРП:
Я. ВИСЛЯК С. ТРЕТЬЯКОВ А. ГИДАШ

Акад. А. Бах

Будем бдительны и зорки!

Едва ли подлежит сомнению, что капиталистический строй вступил в острый период своего распада. Производственная мощность капиталистических стран, значительно развернувшаяся после мировой войны, далеко превышает потребности мировых рынков. Даже предполагая, что современный экономический кризис, носящий всеобщий, мировой характер, будет изжит раньше, чем произойдет крушение, остается решить роковой вопрос, как урегулировать производство капиталистических стран так, чтобы не было перепроизводства товаров.

Опыт Лиги наций с достаточной убедительностью показывает, что злонамеренной болтовней о мире, о пан-Европе, об общности экономических интересов всех цивилизованных стран вопрос этот не будет и не может быть разрешен. Поэтому более активные, более могущественные империалисты, во главе которых стоят французские империалисты, стали бешено вооружаться в расчете на то, что только жесточайшей войной, войной на истребление возможно было бы установить диктатуру одной империалистской коалиции, которая спасла бы капиталистический строй, регулируя соответственным образом все производственные отношения.

Но глубокая противоположность интересов капиталистических стран, исключающая возможность создать одну империалистическую коалицию, достаточно мощную, чтобы навязать свою волю несогласным, боевые настроения пролетариата под влиянием кризиса и под давлением 40-миллионной армии безработных, некоторый развал психики самых правящих классов, сильная позиция СССР, против которого в первую голову имеет быть направлена интервенция,—все это факторы, благодаря которым мы до сегодня еще не имеем открытой интервенции, все это факторы, которые заставляют только оттягивать даты, отодвигать сроки.

Годы и даже месяцы капиталистического строя сочтены. И это толкает империалистов на новые авантюры, на попытку удушения Советского союза, одним своим существованием зовущего трудящихся к истинному выходу — к построению социализма.

Наша бдительность, зоркое изучение противника, мобилизация всех сил таким образом, чтобы в любую минуту они могли быть брошены на оборону советской земли, на отражение врага,— лучшее орудие против угрозы войны.

В. Катаев

Сорвать пальмовую ветку пацифизма

Значение международного антивоенного конгресса исключительно велико.

Конгресс должен с полной ясностью, твердостью и четкостью противопоставить себя всем и всяческим буржуазным так называемым «антивоенным» конференциям, пленумам, сборищам, комиссиям, единственная цель которых— одурачить трудящихся мира и создать впечатление, что капитализм способен на «мирное существование».

Конгресс должен поставить вопрос о полном немедленном разоружении, роспуске армий, отмене обязательной принудительной воинской повинности, об уничтожении всех военных припасов и снаряжения.

Трудящиеся мира должны, наконец, с полной очевидностью узнать, кто является подлинными борцами за дело всеобщего мира народов.

Конечно, должно разоблачить подлинных врагов разоружения, поджигателей будущих страшных войн, сорвать пальмовые ветви буржуазного пацифизма, под которыми спрятана щербатая морда танка и баллоны фосгена.

Вл. Лидин

Лучшее с нами, за нас

Если бы в Версале во время подписания мира нашелся человек, который посмел бы сказать, что меньше чем через 15 лет соберется антивоенный конгресс, ибо новая война нависла над миром, — эту мысль назвали бы безумной мечтой о реванше побежденных народов.

Но одно только десятилетие прошло, своих протезов еще не износил инвалид, и мы видим это возрастающее дитя в питательной утробе мирового кризиса. Европейская культура уже не является надежной опорой для наглых и жестоких планов империализма. Все лучшее в этой культуре отдает свое сочувствие и свою активную силу для протеста и для борьбы против новой войны. Все худшее или откровенно становится на сторону фашиствующего империализма, или пытается еще разболтать мутную и злорадную жижицу неопределенного гуманизма.

Лучшее с нами, за нас. С нами — это значит с волей к новому устроению мира. С волей к новому устроению мира — это значит против всяких порабощательных, колониальных, захватнических войн, против всякого империализма, за освобождение раз навсегда порабощенного, задавленного человечества!

Мих. Слонимский

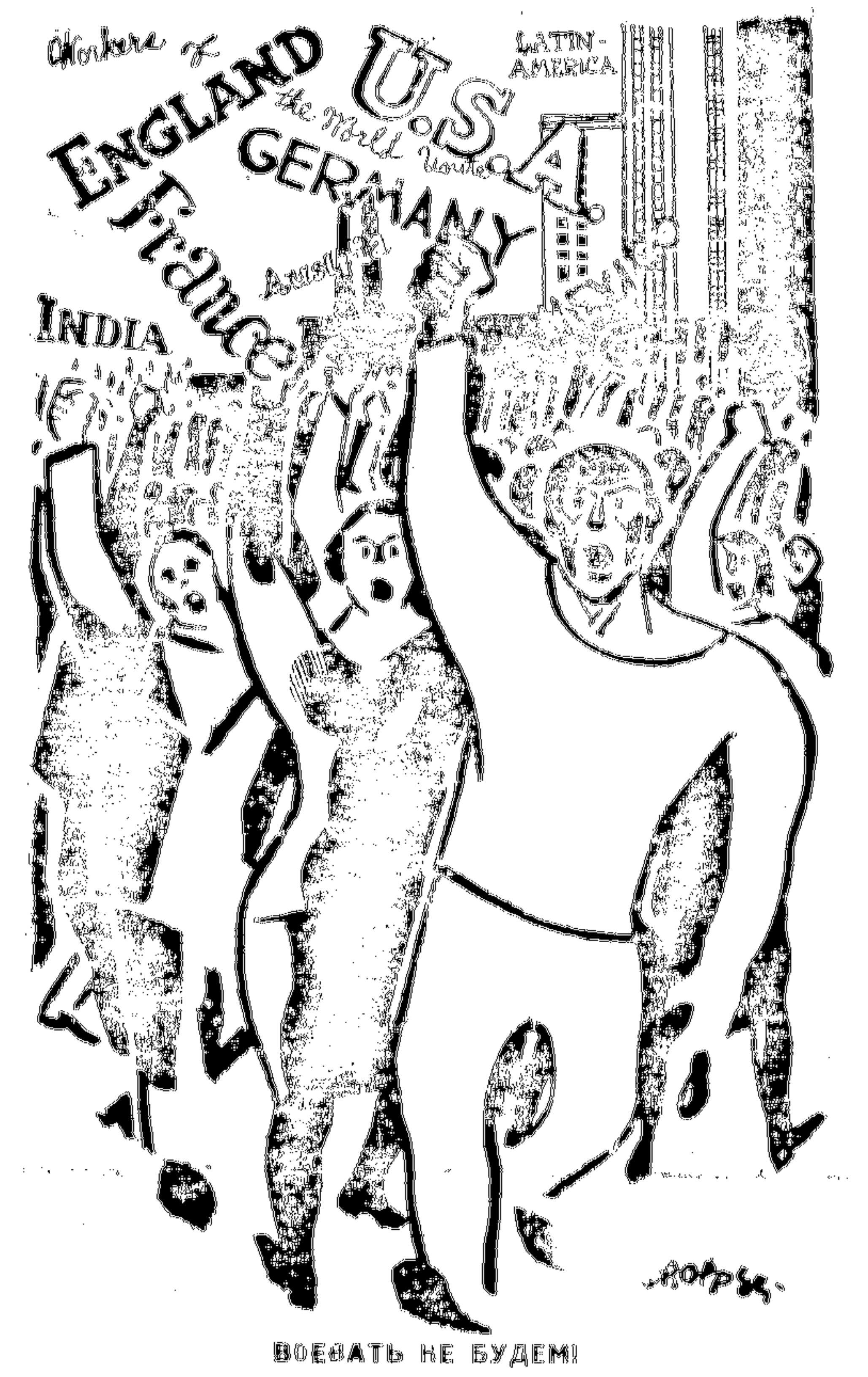
Мощный протест лучших людей запада

Одна американская журналистка говорила мне однажды, что после нескольких месяцев пребывания в СССР капиталистическая система стала казаться ей неправдоподобным бредом. Я не знаю, выродилось ли у нее в дальнейшем это ощущение в покорность капитализму или же выросло, как у многих, в действенный протест против реально, а не в бреду господствующей на пяти шестых земного шара эксплоатации трудящегося большинства паразитическим меньшинством. Но факт, что изучение нашей советской действительности изнутри либо вблизи — заставляет передовых интеллигентов Запада по-новому взглянуть на вырастившую их систему, выводит из тумана раздумий, сомнений и колебаний, открывает новый борьбы и надежды путь в коммунистическое будущее.

СССР — отечество всех трудящихся и оплот мирового пролетариата, на[illegible] всем, что раз навсегда положен предел [illegible] капиталистической системы, — в этом живое ощущение угнетенных всего мира, живое ощущение лучших людей Запада. Только кровно связанные с капитализмом люди (мы знаем среди них и некоторых иностранных писателей), скрывая при посещении СССР свои истинные мысли под дымовой завесой вежливых фраз, становятся по возвращении к родным капиталистическим источникам в ряды злобных врагов и клеветников. Верной службой своим капиталистическим хозяевам, в надвигающейся гибели которых они видят свою гибель, они пригвождают себя к позорному столбу истории. Но навстречу врагам и клеветникам подымается мощный протест лучших людей Запада, осуществляющих сейчас идею антивоенного конгресса,— протест против системы, за гладкими разговорами о мире готовящей новые кровавые бойни, системы, уже потерявшей способность как следует скрывать свои империалистические когти, направленные в первую очередь против единственного отечества трудящихся— СССР.

Антивоенный конгресс мобилизует советских писателей на еще более глубокое разоблачение империализма, на еще более глубокое и правдивое изображение нашей советской действительности, на еще более активную борьбу против капиталистической системы.

Рис. худ. В. Гропнер



ВОЕВАТЬ НЕ БУДЕМ!

Лев Никулин

Заклеймить белых провокаторов

Нет ничего случайного в том, что лучшая часть европейской и мировой интеллигенции собралась в Амстердаме на антимилитаристский и антиимпериалистический конгресс.

На наших глазах произошло расслоение в среде европейской и мировой интеллигенции. Мировая война 1914—1918 годов, ее уроки были приняты по-разному разными слоями писателей и ученых. Одни поняли, что в нашу эпоху нельзя находиться в стороне от событий. И они, как Барбюс и Ромен Роллан, стали «совестью Европы». Они прилагают все усилия к тому, чтобы об'яснить и солдатам и рабочим планы империалистов и помешать империалистам привести эти планы в исполнение. Другие, более робкие, еще остерегаются стать в ряды активных противников войны, но и они не могут закрыть глаза на то, что происходит в Европе. Наконец, третьи откровенно предложили свое перо и мысль вооруженному фашизму. К услугам этих продажная желтая печать, сто тысяч радиорупоров и вся мощная буржуазная машина обработки общественного мнения.

Все, что осталось честного и мыслящего в Европе, подымает свой голос против поджигателей войны. У них нет газет с миллионными тиражами, услужливых газетных трестов, но зато у них доверие миллионов, доверие тех, которых хотят обратить в пушечное мясо новой войны. И сколько бы ни пытались буржуазные правительства — им не заглушить голоса амстердамского конгресса. Слова делегатов найдут миллионы слушателей среди взбудораженного, потрясенного буржуазного мира и здесь, у нас, в стране строящегося социализма.

Задача конгресса заключается еще и в том, чтобы разоблачить неугомонных поджигателей войны — белогвардейских провокаторов. Трудящиеся Советского союза хорошо знают, на что способны и что несут с собой белые. Мы знаем, сколько народной крови было пролито белыми на наших полях, и вместе с европейскими писателями и учеными мы укажем миру поджигателей войны и заклеймим белых эмигрантов, вечных провокаторов нападения на Советский союз.

Ф. Гладков

Социал-фашисты — глашатаи интервенции

Грозная опасность империалистической войны надвигается с каждым днем все больше и больше. Пушки уже заряжены, и воздух отравлен удушливыми газами. Вся эта лихорадка вооружений — это дыхание капиталистических стран. Неизлечимый [illegible] кризис — это умирание [illegible]. Этот убийственный [illegible] капиталистического мира неизбежно [illegible] великим бедствием на всех трудящихся: они [illegible] жизнью на [illegible] империализма.

Социал-фашисты являются гнуснейшими [illegible] и провокаторами масс, они [illegible] в жертву капитализму рабочий класс.

Единственная страна, которая несет освобождение пролетариату и крестьянам земного шара, это СССР — страна, строящая социализм.

Страна советов противостоит старому миру капиталистической эксплоатации.

Вот почему социал-фашисты ведут подлую кампанию против Советского союза. Их интересы и цели — это интересы и цели капиталистов: они жаждут уничтожения социалистического государства трудящихся.

Вот почему они вместе со своими хозяевами как враждебно, так и [illegible] борются против антиимпериалистического конгресса, который созван по инициативе лучших людей всех стран. Этот конгресс для всех стран [illegible] не только [illegible] трудящиеся массы против империалистической войны, но [illegible] и разоблачает [illegible] предательскую работу реформистов, которые [illegible] антивоенную маску пацифизма. Их пацифизм — это война против СССР, против пролетариата.

Мы, писатели Страны советов, должны направить все свои силы на разоблачение предательской работы социал-фашизма и [illegible] капиталистических стран, которые [illegible] каждую минуту направить вооруженную силу против пролетарского государства.

П. Валескалн

(В секции научных работников

Фальсификаторы науки— поджигатели войны!

Буржуазия видит только один «выход» из кризиса — это усиленное давление на трудящиеся массы и одновременно подготовка новой войны, в первую очередь против СССР, страны строящегося социализма.

В подготовке новой войны активное участие принимают и буржуазные ученые. С одной стороны, они изобретают все новые и новые средства войны, не останавливаясь ни перед какими ужасами, а с другой— они подготовляют общественное мнение о необходимости войны. Для этого буржуазные ученые не брезгуют никакими средствами, вплоть до самой гнусной фальсификации науки.

Вспомним хотя бы, как буржуазные ученые во время империалистической войны 1914—1918 гг. [illegible] даже учение Дарвина. Ведь утверждали же они, что война представляет естественное проявление борьбы за существование, в которой гибнут слабые и выживают сильные и совершенные люди и народы. Теперь [illegible]. Теперь соответствующая обработка умов идет дальше. В этой обработке [illegible] все средства буржуазии и [illegible] от самых отъявленных мракобесов до социал-фашистов включительно.

Империализм, ведя разговоры о разоружении, вооружается до зубов, ведя разговоры о мире, усиленно готовится к войне, в первую очередь, к СССР.

Советский союз, проводя неуклонную политику мира, должен усилить свою бдительность.

Научные работники Советского союза, получившие от Октябрьской революции громадные [illegible] возможности, всемерно помогут Советскому союзу укрепить обороноспособность страны.

В случае нападения империалистов научные работники СССР сумеют постоять за завоевания Октября.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ антивоенный конгресс в Амстердаме

Тысячи делегатов: рабочие, трудящиеся крестьяне, писатели, деятели науки, коммунисты, социал-демократы, беспартийные делегаты почти от всех капиталистических, колониальных и полуколониальных стран встречаются в Амстердаме, чтобы там доказать их готовность, а также готовность тех, кто их выбрал, к решительной борьбе против грозящей войны и опасности интервенции.

Инициаторами этого конгресса были трое революционных писателей: Горький, Ромен Роллан и Барбюс. Их призыв об'единиться против войны и опасности интервенции нашел отклик во всем мире. Создание международного инициативного комитета для проведения кампании антивоенного конгресса против империалистической войны вызвало почти во всех капиталистических и колониальных странах создание национальных комитетов, в которых представители всех слоев трудящегося населения, рабочие и интеллигенция, совместно проделывают большую работу по подготовке к антивоенному конгрессу. Боевой призыв международного инициативного комитета и национальных комитетов достиг самых отдаленных деревень. Он всюду подымает боевую тревогу, об'единяет готовых к борьбе, привлекает к себе и толкает вперед колеблющихся. Нет ни одного писателя и деятеля науки, который бы не сочувствовал конгрессу. Все они, готовые к борьбе, выстраиваются в единый фронт против войны и опасности интервенции. Интеллигент идет в ногу с фабричными рабочими, с трудящимися крестьянами, со всеми угнетенными в городе и деревне. Более чем девятнадцать крестьянских организаций различных стран активно принимают участие в кампании по проведению конгресса. Почти на всех больших предприятиях, в первую очередь в военной промышленности, образованы боевые комитеты, которые посылают своих представителей в Амстердам. Вспомним проделанную с энтузиазмом работу французского коммуниста Бордо, который отправил Барбюсу заявление со 129 подписями, в котором подписавшиеся об'явили себя готовыми в случае повторения кровавой бойни 1914—1918 гг. выступить энергично против войны, как и против всякого нападения на Советский союз. В ответ на призыв комитета правительства империалистических стран не оставили неиспробованными ни одного средства помешать проведению конгресса. Тому доказательство — бесчисленные аресты организаторов и агитаторов конгресса, террор и запрещение собраний, на которых должны были выбираться делегаты на конгресс, самое запрещение конгресса в целом ряде стран.

Единым фронтом с буржуазией борются и вожди социал-демократов. Секретарь II интернационала Фридрих Адлер, об'явивший себя «борцом против антисоветской интервенции», и Л. Квидде, представитель немецкого мирного движения, заимствуют друг у друга аргументы для оправдания своего саботажа кампании по проведению конгресса и этим самым демонстрируют, что в основном они преследуют одну и ту же цель, хотя и пользуются разными методами саботировать борьбу против империалистической войны, помешать созданию единого международного фронта. Партпрезидиум социал-демократической партии поясняет: «Участие отдельных товарищей в антивоенном конгрессе или пропаганда этого конгресса являются проступками против международной социалистической дисциплины». Тем более показательно, что несмотря на все официальные и неофициальные саботажи и угрозы рабочие-делегаты принимают участие в антивоенном конгрессе, доказывая этим свою боевую готовность бороться против войны единым революционным фронтом всех трудящихся.

Обстановка, в которой происходит антивоенный конгресс, характеризуется, с одной стороны, сильнейшим обострением опасности новой мировой бойни и интервенции против СССР, увеличивающейся фашизацией целого ряда капиталистических стран благодаря углублению мирового хозяйственного кризиса и, с другой—подъемом революционной волны, назреванием революционных настроений в целом ряде стран. Участие широчайших слоев представителей [illegible]буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции и писателей на международном антивоенном конгрессе — это показатель значительных политических и психологических сдвигов, происшедших в сознании этих групп. Это ставит перед Международным об'единением революционных писателей новые и большие задачи. Повернувшись лицом к рабочему классу, необходимо использовать все средства, чтобы привлечь к себе эти левонастроенные круги мелкобуржуазных писателей.

Задача каждого отдельного революционного писателя — повседневная агитация и пропаганда борьбы против войны, это показ в художественных произведениях успехов социалистического строительства. Пусть, таким образом, будет ясна трудящимся массам разница между колоссальными успехами социалистического строительства и все углубляющимся кризисом капитализма. Пусть будут разоблачены постоянные измены социал-демократических вождей, наступающий фашизм и беспощадно свирепствующий белый террор.

Антивоенный конгресс должен стать новым этапом в борьбе против войны и опасности интервенции на литературном фронте. Инициатива отдельных революционных писателей должна стать инициативой масс. Революционные писатели должны маршировать в первых рядах международного боевого фронта против войны и интервенции.

Приветственная телеграмма Максима Горького

Максим Горький послал следующую телеграмму амстердамскому антивоенному конгрессу.

«От лица советской делегации горячо приветствую конгресс. Желаю членам конгресса полного и глубокого единодушия в отрицательном отношении к империалистам, организаторам мировой бойни. К сожалению, в силу осторожности правительства Голландии я лишен права непосредственно участвовать в конгрессе. Я не отрицаю за врагом его права на трусость, но в данном случае трусость кажется мне непонятной. Часть прессы Голландии утверждает, что конгресс есть «дело рук Москвы». Мне кажется, что этому утверждению противоречит факт участия в конгрессе нескольких сот людей, состоящих во II интернационале. Затем, вероятно, большинство делегатов привлечено в Амстердам не столько их социальной симпатией к Советскому союзу и его мирной политике, сколько их чувством самозащиты и их биологической антипатией к затеваемой капиталистической войне. Не думаю, что эта часть делегатов обрадована устранением советской делегации, делегации той страны, которая всегда и постоянно решительно предлагала полное и всеобщее разоружение. Голландское правительство показало рабочему классу всего мира, кто его враг, кто друг. Это очень хорошо. Еще раз - сердечный привет конгрессу и горячее пожелание единодушия чувств и мыслей».

„Я всегда буду с вами“

Письмо Виктора Маргерита в „Литературную газету“

Позиция моя в случае войны? Такая же, как у Ромен Роллана в 1914 году. И я говорю: против всякой войны, имея в виду, главным образом, войну, которой мы должны более всего опасаться: войну против СССР.

Отныне ни одна война не может быть не чем иным, как попыткой капитализма уничтожить пролетариат, осуществляя тем самым злостное покушение на СССР.

И мы все должны против этого восстать.

Я всегда буду с вами против всех спекулянтов старого мира.

Стоит ли вспоминать о войне 1914—1918 гг. Нет. Пройдемте мимо. Мне становится тошно каждый раз, как я об этом думаю.

Я посылаю вам одновременно с этим письмом мою книгу, но не об Аристиде Бриане, которую я написал только для того, чтобы популяризировать идею всеобщего мира и которую я не написал бы, если бы знал об этом государственном муже все то, что мне стало известно лишь недавно. Но я посылаю вам книгу «Вставайте, живые», призывающую к полному разоружению, как этого требовал с такой мощью Литвинов в Женеве и которого я с удовольствием неоднократно цитирую.

Дружески ваш
ВИКТОР МАРГЕРИТ

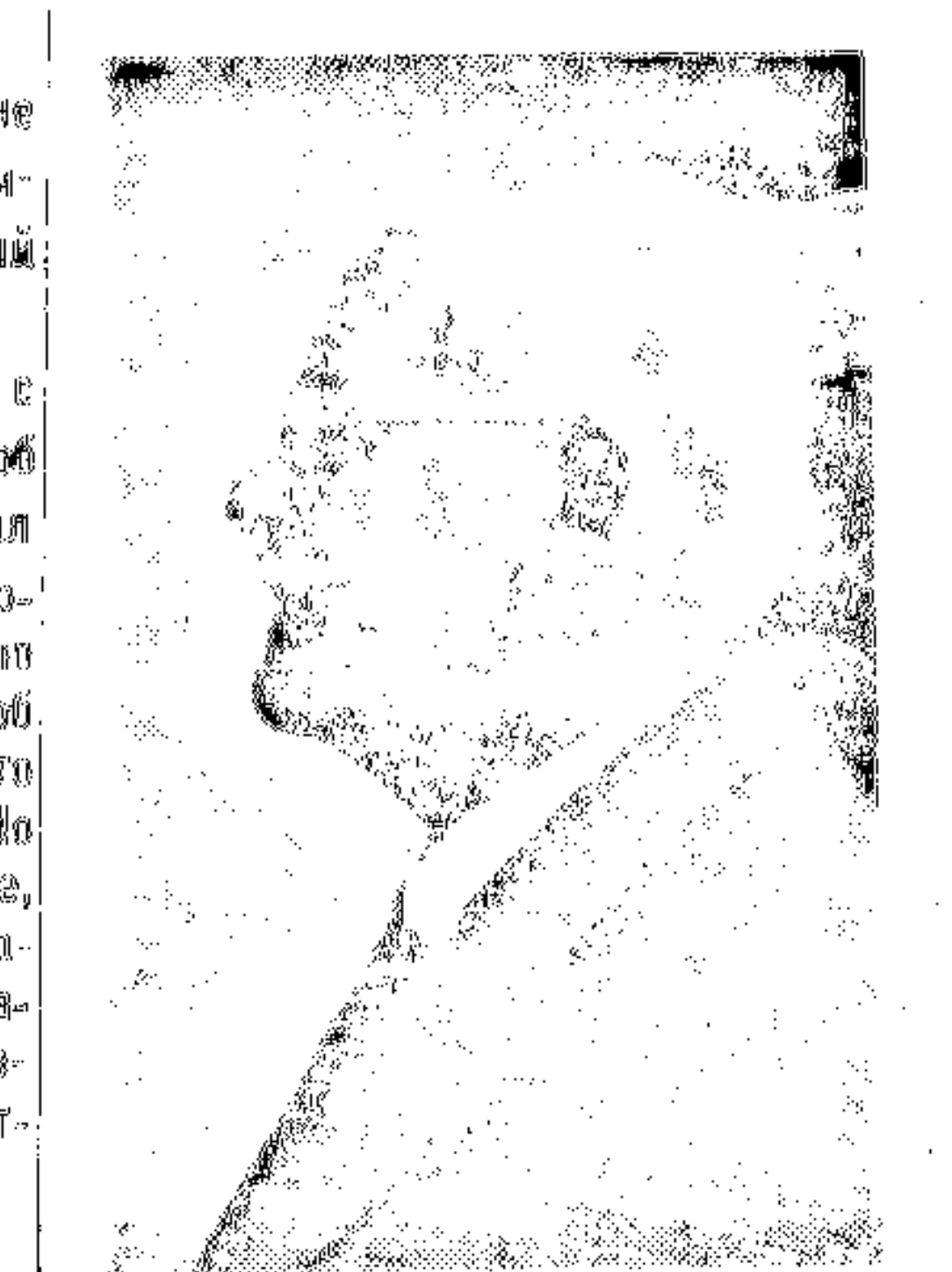
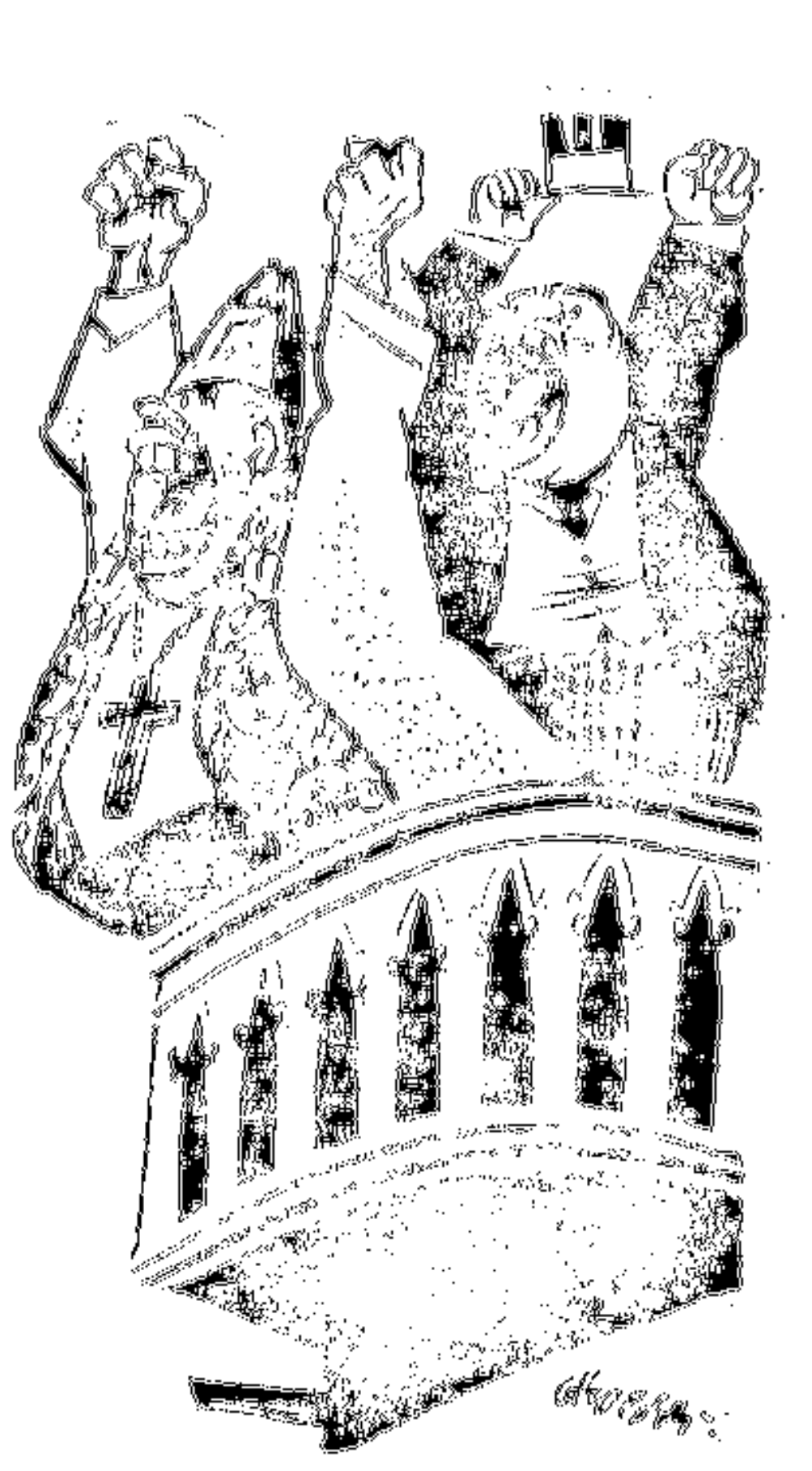


Рис. худ. В. Гропнер



Собачий лай

Шервуд Андерсен за тесный контакт

Редакцией «ЛГ» получен ответ от Шервуда Андерсена на посланное ему письмо. Шервуд Андерсен пишет:

«Ваше письмо, которое вы адресовали в мой родной город в Виргинии, я получил. Но я боюсь, что уже слишком поздно для высказывания, которого вы от меня хотите для вашего первоавгустовского номера.

В этот день я в Нью-Йорке принимал участие в тридцатитысячной демонстрации протеста против войны вообще и в частности против всех покушений капиталистических стран, в том числе и моей страны, ниспровергнуть советское государство.

Я всегда сочувствовал и сочувствую и таким демонстрациям и всем их выводам. Я сам происхожу из рабочих и был рабочим до 25 лет. Мое сердце всегда пребывало с этим классом. Теперь мы в Америке наблюдаем и верим, что рабочие становятся что ни год более сознательны и активны. Вы должны были бы с нами поддерживать более тесный контакт».

„Шуцфербанд“ помогает венгерским палачам

Протест советских писателей против исключения берлинской писательской группы из организации германских писателей „Шуцфербанд“

По инициативе МОРП был организован международный протест против привлечения к военному суду венгерского писателя Карикаша.

За присоединение к этому протесту германская организация писателей «Шуцфербанд» исключила из своего состава членов президиума берлинской группы: Вайскопфа, д-ра Габора, Гейнц-Поль, Георга Лукач, Давида Лушнат, Мета-Кразу Фессель, д-ра Будзиславского (последний является членом социал-демократической партии).

Ряд советских писателей заявил протест—протест против предательства «Шуцфербанда».

С негодованием узнал я о предстоящем исключении семи берлинских писателей из «Шуцфербанда» германских писателей лишь за то, что они протестовали против смертных расправ венгерской юстиции, угрожающих члену нашей писательской семьи т. Карикашу.

Если венгерская юстиция спешит разбойнически расправиться с пролетарским писателем, это ее естественное палаческое дело.

Если писатели Берлина спешат помочь своему товарищу, это их естественное писательское дело.

Но если союз спешит исключить их за это из своих рядов, это настолько противоестественное дело, что слово «протестую» является самым вежливым из всех слов, могущих этот акт характеризовать.

СЕРГЕЙ ТРЕТЬЯКОВ

*

Предательство всегда гнусно; организованное предательство гнусно вдвойне. Я это говорю по поводу исключения семи товарищей из союза германских писателей только потому, что они протестовали против венгерских палачей.

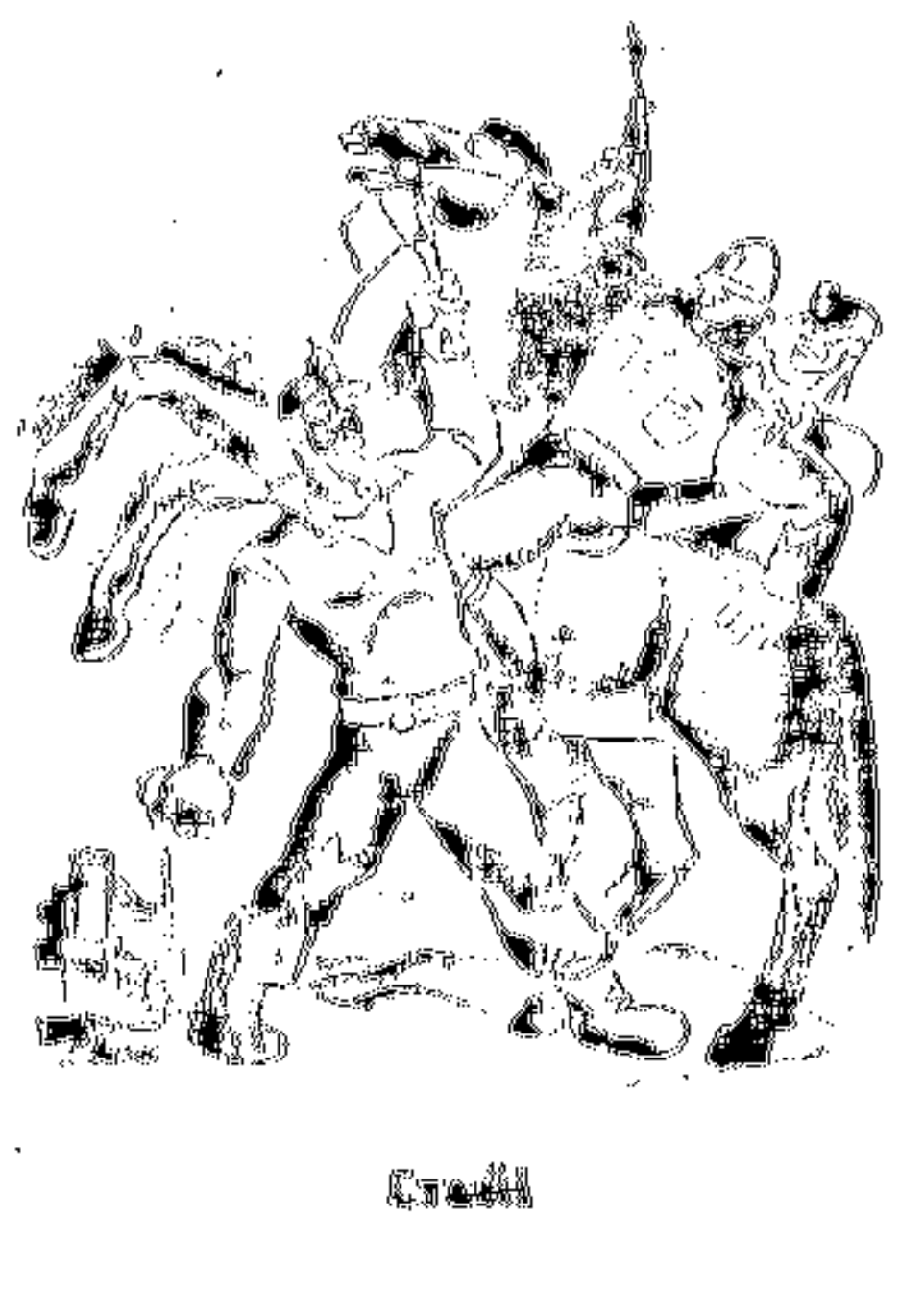
НИКОЛАЙ ОГНЕВ

*

То, что сделал германский союз в отношении своих товарищей писателей и критиков, осмелившихся поднять голос против венгерских палачей, [illegible] характеризовать иначе, как лакейскую же выходку. Писатель ныне не имеет права не соглашаться с палачом! Литературная организация требует установления единого фронта между [illegible] и художниками застенка! Что кроме [illegible] возмущения и гадливости может вызвать этот жест?

П. ПАВЛЕН

Рис. худ. Г. Геллерт



Стаей

Что пишет „лицемерный карандаш"

Литконсультации в роли глушителей массового творчества

Ежедневно десятки и сотни писем поступают в литконсультации наших журналов и издательств. В них — первая проба пера: шестнадцатистрочный стишок; результат длительного труда — рассказ, очерк; наконец, «большая форма» произведения растущего, шаг за шагом овладевающего литературной техникой молодого писателя.

Поддержать это массовое творчество, постоянно выявлять новые силы и таланты, воспитывать, помогать, руководить ими — такова задача литконсультаций.

Т... такова задача; не такова действительность. Предпринятая нами проверка работы литконсультаций не претендует на полноту, но и ею выявлено более чем достаточно фактов бездушного, формального отношения консультаций и консультантов к начинающему автору.

Литконсультации выступают в роли... глушителей массового творчества. Позорный парадокс!

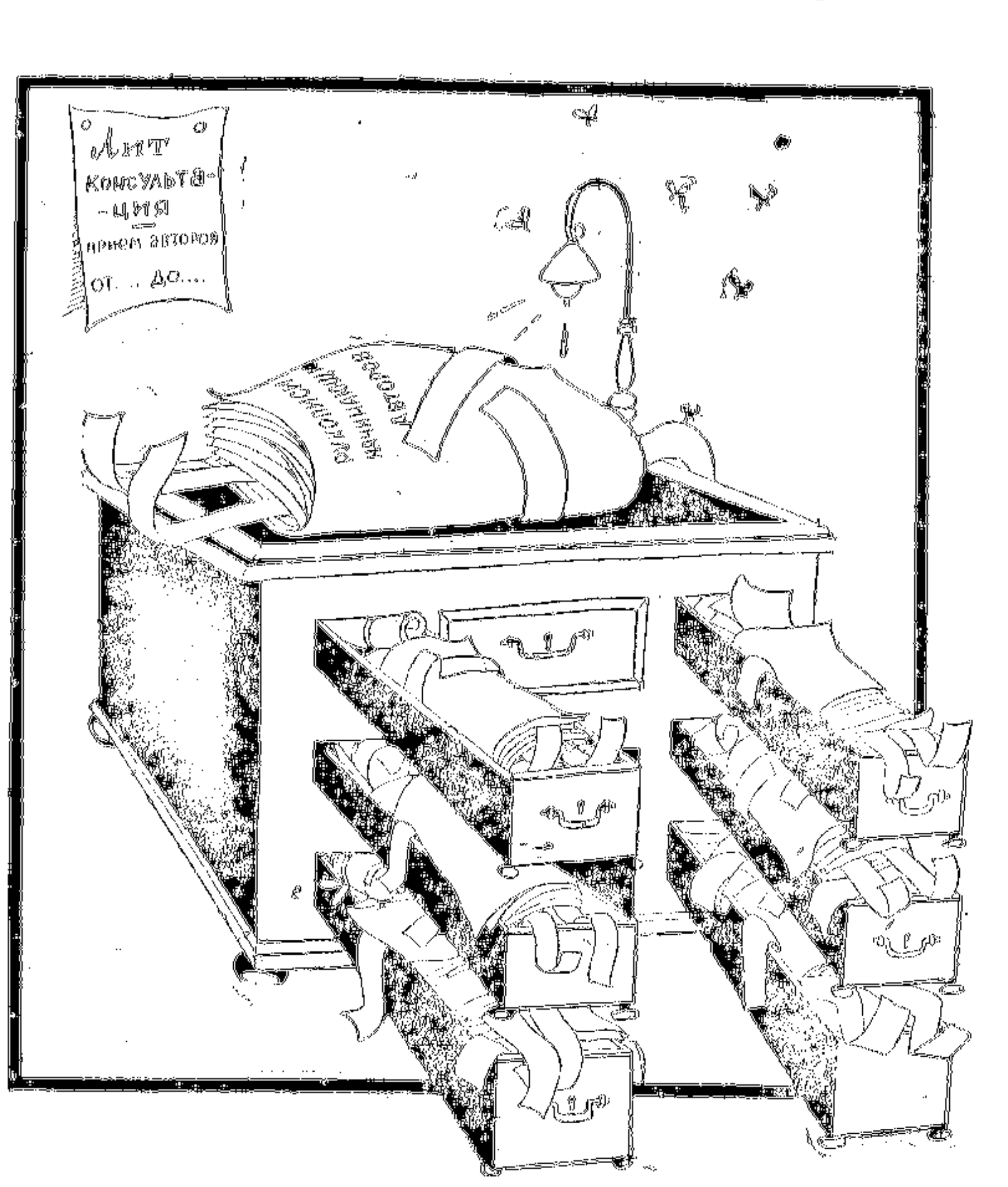
Особенно возмутительно положение в одной из самых больших консультаций — ГИХЛ. Отписаться, поиграть в течение нескольких месяцев с автором «в молчанку» в ГИХЛ умеют, но работать с ним по-настоящему и не думают. Надо как следует пересмотреть кадры литконсультантов — кто они. Ведь этим людям доверено важнейшее дело; нужно коренным образом перетряхнуть всю систему консультационной работы.

До сих пор многие (большинство!) журналы не считают своим долгом систематически работать с начинающим автором. Они ограничивают свою роль пересылкой рукописи в издательскую консультацию. Неверно. Каждое издание должно работать с молодежью. У каждого журнала должны быть свои авторы-корреспонденты из начинающих, за которыми редакция постоянно бы следила, направляла их творческий рост.

В консультационной работе в первую очередь необходимо ликвидировать обезличку. Консультация обязана знать людей, с которыми она работает.

Вторая, но не менее неотложная задача — привлечь к работе консультаций квалифицированных писателей. Почти каждый писатель в личном порядке работает с группой начинающих. Надо организовать эту работу через консультации. Ни один писатель не может уклониться от нее. Консультации до сих пор не умели привлечь писателя — их вина в этом прежде всего.

Рис. худ. Бумкина



Кладбище начинающих авторов

„Ваш рассказ переслан в ГИХЛ"

В консультационных дебрях Никольской 10

Путь рукописи начинающего автора — путь злоключений и — больше — трудно преодолимых препятствий. Литературные консультации, существующие при редакциях газет и журналов, те самые консультации, которые призваны выявлять к жизни новые творческие писательские силы, помогать начинающему автору, до сих пор очень часто (в силу своих многочисленных недостатков) не справляются со своими задачами.

ОБЕЗЛИЧКА И САМОТЕК

Литконсультация ГИХЛ — одна из крупнейших издательских литконсультаций. Ежедневно сюда приходит множество очерков, рассказов и стихов, сопровождаемых пространными авторскими письмами. Эта ежедневная почта, как правило, пополняется произведениями тех начинающих авторов, которые пробуют свои «пробы пера» в столичных литературно-художественных журналах, но которые рано или поздно получают краткий стереотипный ответ:

«Ваш рассказ редакция переслала в литконсультацию ГИХЛ. Адрес — Никольская, 10».

К слову сказать, это «ваш рассказ переслан» злополучные авторы чаще всего читают лишь спустя несколько месяцев после отправления рукописи в редакцию журнала.

Может ли, однако, литконсультация ГИХЛ похвастаться хотя бы небольшими достижениями в своей работе с начинающим автором?

Ответ на этот вопрос может быть только один:

Не может.

Литконсультация ГИХЛ, как и консультация ряда других издательств, ведет свою работу вне плана, системы и сроков, без каких-либо установленных принципов. План и система тонут в [illegible] самотека. Из 1.000 рукописей, полученных ГИХЛ в первой половине 1932 года, около 90 проц. поступили именно самотеком. Литконсультация не знает их. Литконсультация не знает начинающего писателя, не изучает его, не интересуется его требованиями и запросами.

Можно ли после этого удивляться полной обезличке в обслуживании литературной «молодежи»? Одному и тому же автору даются рецензии разных консультантов. Систематического учета творческого роста автора нет, как, впрочем, нет его и в других издательствах. В таких издательствах, как, например, «Федерация», где до 40 проц. рукописей поступает [illegible] в литконсультацию ВССП, [illegible] хромающую.

Постановления ЦК партии об издательской работе (в той части, где говорится о работе с начинающими авторами) консультация ГИХЛ не выполнила. В своих решениях правление ГИХЛ прямо говорит, что издательство не справилось с задачей сколачивания [illegible] новых авторов вокруг издательства.

СЕМЬ МЕСЯЦЕВ ПОД СПУДОМ

В ГИХЛ ежемесячно поступает около тысячи рукописей, причем около 30 проц. — из редакций журналов и газет. Печальная участь огромной части этих рукописей говорит о наличии глубокого прорыва в работе литературной консультации ГИХЛ. Рукописи начинающих авторов лежат в недрах консультации по несколько месяцев. Иногда отзывы отправляются через полгода. Рукопись **Баскакова и Гончарова** «Путь указан вождем» (о ростовском Сельмаше) пролежала в редакции сборника **«Рабочий призыв»** полгода, и только после этого была рецензирована литконсультантом **Яровым**. Рукопись **Стригуна и Пыхтеева**, посланная на консультацию в ГИХЛ, лежит под спудом больше 7 месяцев. Отзыва — до сих пор не дал. Литконсультанты на неоднократные напоминания автора отвечают молчанием.

А напоминаний, писем с просьбой написать хоть бы слово о судьбе рукописи — более чем достаточно.

Вот одно из них:

> «30 декабря 1931 года мною была послана в литконсультацию ГИХЛ рукопись «Изменника дочь» — повесть из жизни батраков. По наведенным справкам в московском почтамте пакет сдан 1 января 1932 года в литконсультацию ГИХЛ. Вторично прошу сообщить мне, что могло случиться с моей рукописью? До сих пор не имею ответа. **И. Стригун».**

За последнее время ГИХЛ привлек к работе около 40 внештатных рецензентов. Фактически из привлеченных товарищей работает только 6—7 человек. В результате здесь снова скопилось 600 рукописей, на которые еще не даны отзывы. 150 рукописей из этого числа находятся на руках у рецензентов. Кадры рецензентов в значительной своей части еще недостаточно квалифицированы, но несмотря на это никакой воспитательной работы с ними не ведется.

И это — беда не только ГИХЛ. Это — больное место ряда издательств. Счастливое исключение представляет лишь литкабинет оргкомитета ВССП, где консультанты и руководители литкружков взяты в серьезную «обработку».

Консультанты... О них следовало бы поговорить подробнее.

КАДРЫ «ТЕКУТ»

В списках каждой литконсультации числятся «почетные рецензенты». Одни и те же фамилии приходится видеть в списках нескольких издательств. Это — фамилии советских поэтов и писателей: Безыменского, Ставского, Жарова, Гидаша, Суркова и др. В силу своей перегрузки в основной творческой работе эти товарищи, естественно, уделяют немного времени консультационной работе в каждом из издательств. В издательстве «Федерация» к консультационной работе привлечены также поэты и писатели, как **В. Лидин, Э. Багрицкий, Н. Огнев, К. Зелинский.**

Хорошо?

Отлично. Но могут ли эти товарищи быть продуктивны в своей работе, если «Федерация» не имеет нужного помещения и писателям приходится вести консультационную работу, главным образом, у себя на дому?

Дальше:

В ГИХЛ и «Молодой гвардии» в качестве внештатных консультантов работают практиканты-вузовцы. Эти кадры нельзя назвать надежными кадрами. Они непрерывно «текут». Вузовцы мало подготовлены для консультационной работы. Не по этой ли причине литконсультация часто бракует рецензии своих консультантов?

Уже одних этих строк достаточно, чтобы можно было заподозрить неладное в работе литконсультаций ряда других издательств, в частности той же «Федерации» и той же «Молодой гвардии».

МЫ РАБОТАЕМ НЕ В СССР

В консультационной работе «Молодой гвардии», так же как и в ГИХЛ, — откровенный узаконенный самотек. При оргмассовом секторе издательства существует специальная консультация, но нет ни одного штатного консультанта. Есть, правда, один. Но он работает по договору. Сорок консультантов, числящихся по списку внештатных, работают случайно, по настроению, время от времени. В консультацию ежедневно поступает не менее 15 рукописей, но и это небольшое количество некому просматривать и изучать.

Совсем плохо обстоят дела в Профиздате. Здесь вообще нет никакой консультации. Работники издательства на наш вопрос, как работает литконсультация, сделали удивленное лицо.

— Но ведь при каждом издательстве СССР должна быть консультация? — спрашиваем мы.

— Ну, что ж? А у нас ее нет. Можете сделать вывод, что мы работаем не в СССР, — заявила сотрудница книжного сектора Профиздата.

Все это тем более удивительно, что при Профиздате имеется кабинет рабочего-автора. Впрочем, на поверку оказалось, что рабочий-автор заглядывает в кабинет не особенно часто. Делать там ему нечего, ибо кабинет из-за отсутствия работников работает кое-как. Основную работу с начинающими авторами проводят редактора издательства в порядке своей повседневной редакторской практики.

ТОЛЬКО В НЕКОТОРОЙ ЧАСТИ

Литконсультации наших издательств в некоторой части содействуют продвижению произведений начинающих авторов в печать. В 1931 году ГИХЛ впервые напечатал 60 произведений начинающих авторов и выпустил два сборника **«Рабочий призыв»**, где было помещено 50 произведений. В нынешнем году ГИХЛ выпускает два сборника **«Рабочий призыв»** и **«Ударники — XV Октябрю»** и сборник произведений рабочих-ударников заводов «Каучук», № 22 и фабрики быв. Эйнем. «Молодая гвардия» издает два сборника рабочих-ударников. Издательство «Федерация» совместно с оргкомитетом намечает выпустить серию «За учебу» в помощь начинающему автору. Было бы поэтому ошибочно обвинять издательства в полной неподвижности или в полном отсутствии консультационной работы. Положительные моменты есть, но они еще настолько незначительны, что иногда теряются в ворохе безобразий.

Одну из первопричин зла нужно искать в том, что издательства до сих пор слабо привлекают к консультационной работе квалифицированные кадры советских писателей, а если иногда и привлекают, то не совсем удачно. Подтверждением этому могут служить факты, приведенные выше. Самотек и бессистемность — вот с чем нужно бороться. Обезличка — вот больное место, которое нужно лечить. Уравниловка в оплате труда литконсультантов — вот на что нужно обратить внимание. Трудно требовать от рецензента хорошего качества работы, если любая рецензия оплачивается, как правило, 3—5 рублями («Молодая гвардия»).

К слову сказать, уравниловка в оплате рецензий имеет место и в литкабинете оргкомитета ВССП, где каждая рецензия оплачивается в среднем из расчета 6 рублей за печатный лист рецензируемой рукописи.

Л. АГЛИЦКИЙ
А. КРУПНОВ

Не пиши, не пиши!..

У литконсультанта «Молодой гвардии» свой особый подход к молодым рабочим-авторам. Консультант, правда, не блещет литературными способностями. Его методы воспитания литературной молодежи по существу нисколько не отличаются от методов многих других издательских чиновников, подвизающихся на консультационном поприще. И все же, надо отдать ему справедливость, он сумел внести в свою работу рецензента кое-что и от себя.

Прежде всего — тон.

Тон рецензий у консультанта решительный и своеобразный. Товарищеский подход? Пусть этого придерживаются другие, а он привык обращаться со «своим автором», как обращается человек, стоящий далеко-далеко вверху, к человеку, стоящему далеко-далеко внизу, где-то у самого подножия консультанта. Немножко унтерского сарказма, немножко иронии, немножко презрения, немножко покровительственной мягкости — таков рецепт нашего «критика».

И по такому именно рецепту составлено (состряпано!) «критическое письмо» дорогому товарищу Назарову, приславшему в литконсультацию «Молодой гвардии» свое первое творение.

Возмутительное письмо.

«Для того чтобы писать стихи, — поучает консультант, — нужно прежде всего быть хорошо грамотным, культурным человеком. Ваш отрывок из поэмы убеждает нас в обратном. Вы не обладаете не только культурой стиха, но и элементарной грамотностью».

Никто не собирается вбивать ударникам-призывникам в головы, что стихи можно писать, изучив половину алфавита. Грамотность и, тем более, элементарная грамотность нужна Назарову даже в том случае, если он пишет консультанту (в ответ на его рецензию) путаное, исполненное горечи и обиды письмо. И это знает сам Назаров! Учиться нужно. О необходимости учебы в рецензиях нужно говорить. Но как говорить?

У «настоящего» рецензента, у рецензента-[illegible] и помощника совет «учиться» был бы сказан так, что Назаров немедля бросился бы доставать эту самую «элементарную грамотность» и культуру. У рецензента из «Молодой гвардии» это получается иначе. После его холодного и [illegible] «вы не обладаете не только культурой» у Назарова опускаются руки.

Придется, видно, университеты сначала проходить, а потом уж браться за стихи.

Не так ли, товарищ рецензент?

Не применимо ли к приведенной выдержке из вашей рецензии всем хорошо известное ленинское:

«По форме правильно, а по существу издевательство».

Однако пойдем дальше.

Просветив робкого «дикого» автора, указав ему пути к овладению культурой, наш рецензент переходит к конкретной критике.

> Путь ваш к цели был очень и очень трудный,
> Мы каждый кусок своим смягчали...

Согласны, товарищ «критик». Строчки неважные, и вполне возможно, что они грубо задели своими неотесанными углами чуткие струны вашей тонкой и впечатлительной натуры. Но следует ли из этого, что критик, прочитавший эти строки, должен становиться в издевательскую позу и говорить издевательским языком, как это делаете вы:

«Какой кусок вы смягчали? Чем его — своим? Своим куском, что ли?».

Сомнительна, очень сомнительна воспитательная действенность этих ваших слов, как сомнительна она и во всех последующих ваших поучениях, как сомнительна она и в тех строчках вашей рецензии, где вы, взяв под прицельный обстрел строчку «в эту разбитую плоть земли», пытаетесь доказать автору неграмотность фразы (хотя на наш взгляд, для начинающего поэта «плоть земли» не такой уж неграмотный поэтический образ).

«Слово «плоть» связано не с плотностью, как думаете вы, а с живым одушевленным предметом, с вами, например. И разрывать вас, рыть, да еще [illegible] сыпать рельсы (в мясо, в [illegible]) — как вы это оцените?».

На этот вопрос ответим за Назарова.

— Никак. Назаров попросту не понял ваших мудрых откровений.

Причем здесь «плотность?».

Кто вам сказал, что автор стихов имел в виду именно плотность, когда написал это злополучное «плоть земли?».

Впрочем, автор многого не понял в вашей писанине. Не поняли, признаться, и мы. Читая строчки, где вы говорите о солнце, о луне и месяце, мы поняли только одно: рецензенту нужна культура или хотя бы элементарная грамотность, которую с такой развязностью рецензент предлагает Назарову.

«Критик» преподает начинающему несколько уроков грамотности. «Нельзя писать отдельно «в верх», «от туда», «на двигаясь», «не поладки» — все это пишется вместе, а последнее слово пишется — неполадки». Он также советует автору посещать «какие-нибудь вечерние курсы» и читать классиков и современных поэтов. Все это было бы не плохо, если бы наш рецензент, вычерчивая штампованные заклинания, хотя бы на минуту вспомнил о человеке, который будет читать рецензию. Молодой рабочий парень узнал, как писать «неполадка», но остался в полном неведении относительно классиков, которых нужно читать. Каких классиков нужно читать? Что у классиков нужно читать?

Мы не приводим рецензию полностью только из боязни того, что будет слишком однообразно. Рецензент из «Молодой гвардии» не изобретателен, и хотя в его методах есть кое-что свое, он все же плотно стоит в шеренге таких, как он, однообразных, утомительных, вредных чиновничьих душ, по недоразумению взявших в руки критическое перо. Их много. Работают они, положив в основу — на беду начинающих авторов — чеховское шуточное «не пиши» (помните, насчет писательского зуда, который неизлечим?).

В самом деле. Похоже на то, что многие из консультантов задались целью на практике испытать это средство.

А если похоже, то не применить ли нам в отношении многих из консультантов то же чеховское средство:

— Не пиши!

Уж лучше пусть не пишут они.

ВЛ. С.

Вещественные доказательства

«Ваше пожелание было исправить ошибки, которые вы видели в повести «Месть». Вы решили: сделал свое дело — в сторону! Исправлять не хочу! Это видно из вашего ответа. Ваша вина еще в том, что, продержав рукопись больше трех месяцев, вы отослали ее в виде насмешки. **А. Найданиев** (Новороссийск)».

«Тов. Калмыков, у меня есть желание учиться, поэтому я и просил, чтобы вы мне указали, как писать дальше, где [illegible], а вы говорите, что нет политической культуры. Если бы я родился таким культурным, как вы хотите, то я бы не дал вам ни одной строчки своего стиха вашему лицемерному карандашу.

Вы приписываете мне те слова, которых у меня нет. С приветом

Семечкин».

Это — письма начинающих авторов в консультацию ГИХЛ.

Они не исчерпываются приведенными здесь примерами. Жалобы на поверхностные, подчас курьезные отзывы рецензентов — явление частое, явление повседневное. И нет ничего удивительного в том, что т. Найданиев из Новороссийска ругает литконсультанта ГИХЛ, а т. Семечкин с горечью говорит о «лицемерном карандаше» «критика» Калмыкова. Образцы рецензий, которые мы приводим ниже, достаточно убедительно говорят о том, что [illegible] и характер многих рецензий никуда не годятся, что качество и характер рецензий не отвечают подчас элементарным требованиям, которые предъявляются нашим литературным движением к издательским литконсультациям.

Нельзя отрицать, что среди консультантов есть товарищи, которые внимательно относятся к рукописям начинающих авторов, помогают им своими конкретными советами, содействуют их творческому росту. Об этом говорит ряд писем, присланных начинающими авторами в издательства. В качестве примера можно привести письма Денисова литконсультанту ГИХЛ т. Ворочкину, А. Алексеева консультанту [illegible], Бескровного — литконсультанту кабинета оргкомитета ВССП т. Эрлиху.

ВДУМАЙТЕСЬ В СЛОВО «ЧЕРТИ»

Литконсультант ГИХЛ П. [illegible] в рецензии на стихотворение Г. Алексеева «Ленинцы» пишет: «В стихотворении вы пишете:

> За промфинплан, как черти,
> Сражаться будем мы.

Вдумайтесь в слово «черти», где вы видали, чтобы черти сражались за промфинплан. Неудачно не только по форме, но и по содержанию. В чертей, ведьм, русалок и т. п. верят только культурно отсталые люди».

СТАТЕЙНАЯ СВИНЬЯ

В числе других отзывов в литконсультации ГИХЛ хранится и отзыв **П. Никитина** о стихотворении **Ф. Зайцева** «Свинья». Литконсультант пишет:

«Материал вашего стихотворения «Свинья» — статейный. Если же вы все-таки вздумали об этом написать стихотворение, то нужно было взять определенную свинью, у которой, может быть, одно ухо ниже другого. Нужно было взять крестьянина-единоличника, у которого свинья растет очень плохо и почти совершенно не дает приплода. У вас получилась рифмованная заметка — не больше. Ваша строфа вытягивается в самую обычную статейную строку».

«ВСЕГО ДОБРОГО, ПИШИ, КАК УЧИШЬСЯ...»

Не менее интересна рецензия редактора издательства «Молодая гвардия» т. [illegible]. Он пишет начинающему автору Смирнову:

«Дорогой т. Смирнов!

Твои стихи очень плохие. Такие стихи писать не стоит. Это еще мало, чтобы в стихах было правильное содержание. Стихи только тогда хороши, когда и содержание правильное и звучат они хорошо. Лучше тебе теперь стихов не писать...

Всего доброго. Пиши, как учишься!»

А вот отзыв литконсультанта ГИХЛ т. Магера.

Правильно указывая на примитивность и поверхностность стихов т. Никитина, консультант не указывает начинающему автору путей преодоления этих недостатков. Магер пишет: «...Избрав тему, нужно знать ее подробно и глубоко, нужно овладеть словом».

Далее следует обычное перечисление:

«Читайте Маяковского, Бедного, Безыменского, Жарова, читайте журналы «Рост», «Комбайн». Внимательно работайте над словом».

Чему учиться у Демьяна Бедного и Владимира Маяковского? Что читать в периодических журналах? Об этом рецензент ничего не говорит начинающему автору.

ГРОХОТОВ

Из иностранной поэзии

Каунти Куллен

Негритянский поэт Америки

НАСЛЕДИЕ

Что мне Африка теперь?
— Солнца медь, песок и зверь,
Джунглей звезды, джунглей мир,
Статный мужчина и мягкий глаз
Женщин, через чей живот
Вышел мой, наш черный род...
— Триста лет прошло. И нам
Чуждо милое отцам:
Пряность рощ, пушистый зверь,
Что мне Африка теперь?
Так я лгу, но целый день я
Слышу, как звучит пенье
Птиц взволнованных, когда
Мчатся грузные стада
К водопойным [illegible] идут
Через травы, где, как жгут,
Плоть двух любящих слита
И над ними — высота.
Так я лгу. Но вот удары
Барабанов — и я даром
Затыкаю пальцем уши,
— Барабаны воздух рушат...
Так я лгу, один из тех,
Кому нет сильней утех
И тоски моей, чем та
В темном теле суетня
Крови терпкой, как вино,
— И пульсирует вино,
И боюсь, чтобы не смыла
Этот пульс начала жила.
Африка? Но книгу эту
Я листаю до рассвета:
— Грузный лет ночных [illegible]
— Кошки в гуще камышей
Огрызнулись, когда
Мчатся дикие стада
К водопою [illegible].
— И [illegible] растущий гул,
Будем биться грудью стен,
И из бархатных [illegible]
Выползи змея. И [illegible] в ход
Змея сбросит серебро
Своих шкур. Их носишь ты
Но теперь до наготы
[illegible] страх
[illegible] глазах.
Пробужденные цветы
Не [illegible] здесь листы,
Тех нет мокрых и густых,
Нет [illegible] с них,
И не движутся они
Гневом джунглей любви...
Что в [illegible] свет для нас?
Что весь прошлый год? Сейчас
Покрываюсь [illegible],
Дерево, [illegible] белой
Свой убор, — и [illegible],
[illegible] былой [illegible]
Птиц, свивающих столько гнезд
В суете твоих [illegible]...
— Триста лет прошло. И нам
Чуждо милое отцам,
Пряность рощ, песок и зверь...
Что мне Африка теперь?
Так я лгу. Но нет покоя
Мне в прохладе [illegible] в зное
[illegible], что [illegible] ног,
Вверх, и вниз, и поперек
Улиц тела моего
Сети джунглевых дорог
Прокладывает зов.
Так я лгу. И полно дождь
Колдовскую будит мощь.
(— Никогда я спать не мог,
Под его журчащий ток!)
И схожу с ума от боли,
Повторяю поневоле
Я его [illegible]. Так
[illegible] на [illegible]:
— Эти ритмы обрести
В теле, кричат: «Обнажись!
[illegible] платья [illegible],
[illegible] любимый [illegible].
— Памяти ночи, памяти дня,
Дождь работает меня.
Ночь [illegible], и день [illegible],
— Хоть бы раз мне удалось
Ковать и гордость осудить,
Чтоб себя не заточить,
Чтобы угли не смягчал
Лес сухой. [illegible]
Этот лес [illegible], но он
Суше, чем сученый лен...
— Вот опять меня подмыла
Сердцу нет и голове нет
Всей реализации
Моей цивилизации.

Перевод с английского

ЮЛИАНА АНИСИМОВА

Партийный коллектив писателей проверяет готовность к Октябрю

На открытом собрании ячейки ВКП(б) ФОСП, состоявшемся на-днях в Доме Герцена, были заслушаны доклады издательств и [illegible] об их подготовке к 15-летию Октября.

Прежде всего надо отметить, что не все докладчики явились на собрание. [illegible] ввиду отсутствия представителя [illegible] т. Шувалова и зав. издательством «Федерация» т. [illegible].

Таким образом, были заслушаны только три доклада: т. Накорякова (ГИХЛ), т. Тарнаса (МТП) и представителя Всероскомдрама т. Россовского.

Тов. **Накоряков** рассказал, как на почве ограниченности бумажных лимитов пришлось преодолеть огромные трудности в выполнении плана издания юбилейной художественной литературы. Он перечислил ряд книг и сборников, которые будут изданы к 15-летию Октябрьской революции.

В прениях по докладу т. Накорякова указывалось на то, что «ГИХЛ в подготовке к 15-летию Октября недостаточное внимание уделил вопросам национальной литературы, не сумел подойти к изданию ряда лучших произведений национальных писателей» (Ковалевский).

Второй докладчик т. **Тарнас** (МТП) сообщил о том, что издательство «Московское товарищество писателей» предполагает выпустить 25 книг на темы о социалистическом строительстве и 12 книг о гражданской войне, сборник о СССР и строительстве Красной армии. Также предполагается выпустить сборник начинающих писателей-колхозников.

О работе Всероскомдрама в связи с XV годовщиной Октября рассказал третий докладчик М. Россовский. Организация начала подготовку с большим опозданием. Лишь в конце прошлого года были законтрактованы 70 драматургов, однако успели представить новые пьесы только 19. В списках не успевших окончить свои пьесы к 15-летию Октября числятся: Афиногенов, Киршон, Олеша, Файко, Романов и др. Из представленных Всероскомдраму пьес отобраны 10 лучших, которые будут ставить в дни 15-летия московские, ленинградские и провинциальные театры. В значительно худшем положении находится клубный и эстрадный репертуары. За исключением выпускаемого ГИХЛ сборника песен и пьес в этом отношении Всероскомдрам ничего не сделал.

В прениях по докладу Всероскомдрама выступил т. Шейвин, который сообщил о том, что на фронте детского театра сделано очень мало.

Выступивший затем т. Г. Корочев указал на то, что «Московское товарищество писателей» до сих пор недостаточно учитывает свою специфику, которая заключается в выпуске книг, главным образом, отображающих писательскую работу по социалистическому переустройству Москвы. Большинство книг, выпускаемых ГИХЛ, тематически непосредственно не связаны с XV годовщиной Октября, а цены большинства выпускаемых книг стоят на непомерно высоком уровне. Таким образом, возникает опасность, что эти книги не сумеют дойти к массовому читателю. Целесообразно сейчас поставить перед соответствующими организациями вопрос об удешевлении книг, выпускаемых к XV годовщине Октября.

Говоря о докладе Всероскомдрама, т. Корочев считает, что организация подготовилась к юбилею недостаточно. До сих пор на производственных совещаниях не организована развернутая критика новых пьес. Слабо проводится руководство драматургами на периферии. Не обеспечены пьесами самодеятельные театры.

Л.

❦

Ячейка ВКП(б) ФОСП для выполнения заданий к XV годовщине Октября, литкомиссии МК ВКП(б) и Краснопресненского РК ВКП(б) выделили ряд драматургов и писателей, в числе которых: Ф. Гладков, Никулин, Парфенов, [illegible], Селивановский, Павленко, Россовский, Семенов, Замойский, Гехт, Сверчков, [illegible], Исаковский, Макарьев, [illegible], Тарнас, Тарасов и Самсонов.

Поэту — большевику

Ударник сборки. Регулировщик мотора второго участка главного конвейера. Машина № 3.000 имени Безыменского. Ходатайство о премировании машиной «марки НАЗ» — вот что дарят рабочие Нижегородского автозавода поэту Безыменскому.

В письме к нему рабочие главного конвейера пишут: «За время твоего пребывания в нашем отделе ты своей творческой энергией дал нам очень многое и оказал социалистическую помощь в борьбе за выпуск автомобилей».

Автозаводцы уверены, что лозунг, выражающий требование передовой части рабочих, «прибавлять по одной машине, чтобы выпускать их по 200 в день», за который вместе с ними дрался поэт, они выполнят в недалеком будущем. Это задание они берутся перевыполнить.

Рассказ «Верблюд» знает каждый рабочий. «Верблюд» стал символом разгильдяйства, расхлябанности, лжеударничества.

Рабочие инструментально-термического цеха в своем письме особенно подчеркивают роль «Верблюда». Рассказ о нем, — пишут они, — войдет в историю нашего завода».

Термичники в день от'езда т. Безыменского с завода постановили: ввести поэта как лучшего ударника-поэта-большевика почетным ударником в лучшую бригаду калильщиков по быстрорежущей стали им. газеты «Правда».

В заключение автозаводцы пишут: «Мы в надежде, что ты не забудешь нас и вернешься к нам для совместной борьбы за осуществление нашей программы».

Хроника искусств

⊠ Первого сентября открывают осенне-зимний сезон театры: ГАБТ (опера «Борис Годунов») и его филиал («Русалка»), МХАТ 1 («Страх»). Камерный театр («Неизвестные солдаты»), МХАТ 2 открывает сезон 5 сентября («Униженные и оскорбленные»).

⊠ Постановлением Наркомпроса студия под руководством Симонова передается в ведение б. студии Малого театра.

⊠ Историко-революционный театр включил в репертуар осенне-зимнего сезона пьесы: [illegible] «[illegible]» [illegible]. А. Глебов [illegible] «Диктатура сердца» [illegible], М. Яковлева «[illegible] трагедия».

Письмо в редакцию

Правил элементарной критической добросовестности, по меньшей мере, два: не писать в разных журналах противоположных один другому мнений и правильно излагать критикуемую книгу.

Однако критик Бухман не всегда держится этих правил.

В Ленинграде, на диспуте в выборгском Доме культуры, посвященном обсуждению романа «[illegible]», выступил среди других представитель работников библиотек и в заключение выразил [illegible] недоброжелательство критика Бухмана, который в рецензии на «930» в № 5 «[illegible] библиографического института» пишет о романе иначе, чем в своей же статье в № 7 «Молодой гвардии».

К сожалению, ленинградский библиотекарь прав. Достаточно сличить обе статьи, чтобы убедиться в этом. Мало того. Бухман, [illegible] целые куски грубо искажает содержание романа в своей рецензии.

Всякий, кто читал этот роман, знает, что «930» является попыткой отобразить в художественной форме указания т. Сталина, [illegible] партии в борьбе за социалистическое переустройство деревни на основе разгрома оппортунизма, преодоления «головокружения».

Так, по крайней мере, оценивался роман в «Литгазете», и так он принимался рабочим-читателем и писателем (см. материал диспутов), причем, например, студенты ленинградского комвуза пользуются им при своей практике в деревне и т. д.

Об этом основном содержании книги Бухман молчит и сообщает лишь, что в романе есть герой (оппортунист Вехров) и что автор и его «положительные» герои [illegible] относятся к нему чуть не благодушно. [illegible] секретаря ОК [illegible] на Вехрова «[illegible]» [illegible] словами.

Умалчивает Бухман о том, что она при этом называет Вехрова врагом и предателем, что политическому разоблачению Вехрова посвящено целое заседание бюро ОК. Умалчивает он обо всем, кроме нескольких произвольно надерганных мест.

[illegible] об этой «критике» до сведения советской литературной общественности и задать [illegible] Бухману и редакторам бюллетеня: как понимают они задачу поворота критики лицом к конкретной [illegible] помощи автору, с особой силой вытекающую из постановления ЦК о перестройке литорганизаций?

Г. БУТКОВСКИЙ

Поправки

В статье В. Гофеншефера «Об одном памфлете Лафарга», помещенной в «Л. Г.» от 18 августа, допущены опечатки.

В предпоследней колонке, во втором абзаце снизу надо читать: «Маркс все же склонен объяснять стимулы поведения деятелей, подобных Гюго, столь упрощенно, как Лафарг».

Следует читать: «Характеризуя политическое лицо «[illegible] Луи философской академии» г. Виктора Гюго» с большой резкостью, Маркс все же не склонен объяснять стимулы поведения деятелей, подобных Гюго, столь упрощенно, как Лафарг».

В сносках 7 и 8 текст сносок не соответствует их цифрам. Текст седьмой сноски помещен под цифрой 8, а текст восьмой — под цифрой 7.

Извещения

1 сентября, в 19 часов, в помещении секретариата Всероскомдрама состоится творческий вечер драматурга Ф. Ваграмова.

Докладчик — Б. [illegible]. В прениях выступят товарищи: Амаглобели, Афиногенов, Оружейников, Россовский, [illegible] и другие.

31 августа, в 19 часов, в помещении редакции журнала «Земля советская» (ГИХЛ, 1 этаж) состоится очередное собрание творческой группы «[illegible]».

Ответственный редактор
С. ДИНАМОВ
ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное об'единение

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
Москва, Тверской б., 25, Дом Герцена, 3 этаж.
Телефоны:
Секретариат 1-30-63.
Отв. редактор 2-80-12.

АДРЕС ИЗДАТЕЛЬСТВА:
Журнально-газетное об'единение: Москва, 6, Страстной б., 11.
Телефон 5-51-69.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА НА 1932 Г.
На 12 м.—6 р. — к.
На 6 м.—3 р. — к.
На 3 м. 1 р. 50 к.

Рукописи не возвращаются.

КОНКУРС К XV ГОДОВЩИНЕ ОКТЯБРЯ

Октябрьская художественная комиссия по оформлению Москвы к XV Октябрьской годовщине объявляет **КОНКУРС** на лучшее художественно-архитектурное, скульптурное и световое оформление площадей, магистралей, предприятий, жактов (оформление дома, витрин), а также на лучшие самодеятельные изокружки.

Устанавливаются три премии на каждый об'ект (3.000 р., 2.000 р., 1.000 р.), а также почетные отзывы. Сроки представления проектов и эскизов: площадей—15 сентября—остальные об'екты к 10 октября.

По всем вопросам, связанным с Октябрьским конкурсом, обращаться к ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КОМИССИИ тов. МАЛКИНУ (Изогиз, телеф. 4 82-49, Цветной бульвар, 25)

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИППОДРОМ
30 августа
НОВАЯ ВСТРЕЧА
УЧАСТНИКОВ
Скакового дерби
(2400 метр.)
ГИТАРА (победительница дерби), ГАЗЕЛЬ, ПАТЕНТ (победитель приза им. НКЗ СССР), ГЕНИЙ, ЗАТОР, ИНТУИЦИЯ, ТРАКТОР

30-го АВГУСТА
БЕГА
ПРИЗ им. БЕЛОРУССКОЙ ССР (дист. 2400 метр.)
Участвуют рысаки 4-лет:
ЗОНА, МИРАЖ, ПОДАГРА, ДЖОНИ-МОЛОДОЙ, МЕРКУРИЙ, НОВЫЙ-СТАН.
Начало в 2 час. дня.

Уполномоч. Главлита В 3469

[illegible] (2-я) тип. «Мосполиграф», пр. им. Скворцова-Степанова.

Без ярлыков

О БЮЛЛЕТЕНЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

Нет нужды лишний раз констатировать слабость нашей конкретной критики. Это общеизвестно. Еще в резолюции ЦК партии об издательской работе (от 15 августа 1931 года) особо подчеркивалось отставание критико-библиографической работы. Однако в дальнейшем критика не только не выполнила указаний ЦК, но еще усугубила свои недостатки широкой практикой вульгаризаторского «левацкого» лозунга «союзник или враг».

Постановление ЦК об издательской работе особую роль отводило библиографическому институту, который «должен стать центром библиографической работы в стране». К сожалению, до сих пор эта роль институтом и его критическим бюллетенем по художественной книге не завоевана. Наоборот, ряд грубейших ошибок, допущенных в работе бюллетеня, привел к прямо противоположным результатам, и приходится ставить вопрос о коренной его перестройке.

Конечно, многие слабости бюллетеня отражали общее состояние фронта критики. Но они здесь были особо вредны, если принять во внимание директивный характер отзывов бюллетеня, если учесть, что от них зависит судьба книги в библиотеке, продвижение ее к читателю.

Когда просматриваешь бюллетени критико-библиографического института, то видишь в них отражение критической работы многих наших журналов, все громадные недостатки этой работы, в их наиболее ярком, сконцентрированном виде. Здесь и многочисленные примеры «левацкого» вульгаризаторства, и пышный расцвет «диалектического умничания», и схоластика, и систематическое бегство от конкретного анализа художественного произведения.

Почти каждая рецензия включает в себя абзац о схематизме, упрощенчестве, недостатках мировоззрения и необходимости борьбы за него, но лишь в весьма редких случаях можно встретить конкретный показ этого схематизма и упрощенчества, конкретные указания, как данному писателю на опыте данного произведения следует преодолевать недостатки мировоззрения.

У многих критиков выработался своеобразный штамп, под который они подгоняли любое произведение, всегда оперируя одними и теми же терминами. Так именно и поступали рецензенты бюллетеня. Например, Г. Мани прочел книжку стихов Асеева и спешит сообщить читателю, что так как Асеев в стихотворении «Новый город» показывает, что новые дома переделывают быт, ибо в них уже «неловко пьянствовать и хулиганить», он совершает ошибку. «Форма» определяла «содержание». Понимание того, что в процессе создания нового изменяются и сами люди, отсутствует. Штамп готов! А до того, что поэт имеет право взять и берет новый дом как часть в борьбе за новый быт и совсем не обязан включать в свой стих все элементы этой борьбы, рецензенту и дела нет.

Помещен целый ряд рецензий, где изложение содержания и абстрагированная и идеологическая его оценка подменяет конкретный идейно-художественный анализ произведения: например, рецензия на книгу Тевелева «Горы меняют лицо», Пахметьева «Отчисленный по списку».

В № 8 помещена рецензия на книгу Тутова «Паровоз», в которой кратко изложен незамысловатый сюжет книги, и вся суть оценки сводится к следующей фразе: «Форма, в которой ведется повествование, еще более снижает ценность книжки». В том же плане дана рецензия на книгу Черных «Ремонт». Ясно, что такого рода рецензии ничему не учат читателя и никак не помогают работе библиотекаря, являясь образцом схематичного поверхностного подхода.

В рецензии на книгу Петрова-Грумант «Маргаритинская ярмарка» вывод о классово враждебных тенденциях этого произведения подменен неверной, резкой формулировкой, направленной против автора (Петров-Грумант «наш классовый враг, орудующий в художественной литературе»); то же и в рецензии на книгу Перегудова «Степь—кустарь—фабрика».

А вот как наряду с этим даются положительные оценки. В № 6 помещена рецензия Я. К. на повесть Правдина «Трактористы». В повести, по свидетельству рецензента, «характеристики отдельных работников часто оказываются произвольными и неоправдываемыми», «в ходульных и неясных чертах дана характеристика группы вредителей», «крупным недостатком повести является и то, что жизнь совхозного партийного коллектива показана изолированно». Но... «несмотря на ряд указанных ошибок книга может быть использована массовым читателем».

Еще характернее рецензия на «Тяжелую быль» т. Амурского. Несмотря на то, что у Амурского в повести отсутствуют середняки, плохо показаны бедняки, поверхностно изображено пролетарское руководство, — книга рекомендуется Я. Поляковым для массового читателя.

Объяснить такую разноголосицу нужно прежде всего тем, что редакционные кадры бюллетеня очень слабы, не подготовлены и не умеют обосновать свои выводы. В бюллетене подчас можно встретить оценку, прямо противоположную общепризнанному мнению о той или иной книге.

Так, одно из лучших произведений советской литературы последних лет — «Севастополь» А. Малышкина — объявлено рецензентом института искажающим пролетарскую революцию и рекомендуется «подготовленному читателю лишь как определенный этап творчества крупного писателя-попутчика». Только! Самостоятельной ценности книга, следовательно, не представляет.

В тех случаях, когда от бюллетеня требовалась вдумчивая критика серьезных недостатков творчества писателя, он нередко подменял ее наклеиванием политических ярлыков. Так, реакционером был объявлен Зощенко, чуть не к белогвардейцам причислен Козаков.

Столь же вульгаризаторский характер носит «рецензия» на книгу Л. Никулина «Записки спутника».

Одной из причин всего этого, по-нашему, является порочность самого принципа определения допустимости или недопустимости книги и рекомендации ее: квалифицированному читателю, массовому и т. д. Этот порочный принцип в качестве основной задачи прямо предполагает наклейку на книгу того или иного ярлыка. А между тем разве это нужно? Нужно совсем другое: помочь библиотекарю в работе над книгой, раз'яснение ее художественного и идейного значения, руководство читателем при чтении той или иной книги. Именно так должна быть перестроена рецензентская работа бюллетеня.

Практиковалась же нередко механическая подгонка под тот или иной ярлык, соединенная со слепым подражанием худшим образцам вульгаризаторской критики.

Бороться со всеми этими явлениями совершенно необходимо. Приведенные нами факты требуют резкой критики.

Но... все же все они бледнеют перед развязно-бульварным, не имеющим ничего общего с методами пролетарской самокритики фельетоном Бермонта «Кто же цензор?». («Веч. Москва», номер от 13 июня).

Мы своим обзором показали, что отнюдь не хотим замалчивать недостатков работы библиографического института. Наоборот, мы подчеркиваем, что эти недостатки настолько велики, что требуют радикальной перестройки всей работы. Именно помочь этой перестройке и предполагаем мы своей критикой.

Однако у фельетона «Вечерней Москвы» таких намерений явно не обнаруживается. Он пронизан духом недобротной сенсационности. Вся работа библиографического института об'явлена Бермонтом... борьбой с литературой, и в совершенно недопустимых тонах им третируются и работники института, и редакция бюллетеня. Так не помогают, так у нас не критикуют!

Кроме того Е. Бермонт явно извратил случай с рецензией на книгу Л. Никулина «Записки спутника». Мы, так же как и Бермонт, ознакомились с редакторской правкой этой и некоторых других рецензий в гранках и не нашли в ней ничего криминального. На каком основании Бермонт хочет лишить редактора присвоенного ему права сокращать статьи и изменять отдельные формулировки? Бермонт поступил бы далеко правильнее, если бы раскритиковал редакцию бюллетеня за то, что она не изменила в основном неправильной оценки книги Никулина.

Следует также рассеять впечатление, создаваемое фельетоном в «Вечерней Москве», что все рецензии библиографического института неправильны и дезориентируют читателя. Даже некоторые из приводимых Бермонтом рецензий совсем уж не так плохи (на книги Тарловского, Евдокимова, Третьякова и др.) Нельзя замолчать большую работу, проделанную бюллетенем в отношении борьбы с халтурой, с враждебными произведениями. В 1932 году бюллетень сумел несколько расширить круг своих авторов за счет привлечения ряда квалифицированных товарищей. Несомненный интерес представляют тематические обзоры литературы, дававшиеся в 1932 году. Серьезно и продуманно ставил бюллетень и оценку творчества ударников.

«Вечерняя Москва» все это обошла молчанием и полностью зачеркнула опыт работы бюллетеня. Такой тенденциозный подход лишь затрудняет перестройку критической работы. А она нуждается в действенной, товарищеской помощи.

Мы уверены, что библиографический институт получит такую помощь и от критиков, и от читателей и вместе с ними сумеет перестроить свою работу так, как это диктуется новыми задачами, поставленными историческим решением ЦК партии от 23 апреля.

На творческих вечерах оргкомитета

НОВАЯ ПОВЕСТЬ Б. ЛАПИНА

Раздавались реплики [illegible] во время выступления. К какой-либо интересной мысли присоединялся хор сочувствующих голосов.

Часто в середине речи оратор ставил вопросы, получал ответы и продолжал говорить.

Беседа велась в глубоко товарищеской атмосфере, без уколов, мелких придирок, иронических улыбок.

Тут не было заушательского размаха, издевок, фраз «на высоченных ходулях». Каждый выступающий старался подкреплять свое высказывание конкретным материалом, характерной подробностью, фактом. Тут писатель дружески критиковал писателя, стремясь искренним советом помочь.

Чувствовалось, что автор и все участники нашли общий язык, нашли творческо-производственные условия, столь необходимые для писателя.

Творческий вечер был посвящен обсуждению нового произведения Б. Лапина. Собрание прошло оживленно, в прениях приняли активное участие представители писательской общественности.

Ушел ли автор от «Памира», вызвавшего справедливую критику за мнимую документальность, за черты авантюризма? На этот вопрос все выступающие в прениях дали положительный ответ. «Болезни роста» во многом преодолены: автор перешагнул «Памир».

Тов. Асеев утверждает, что новая повесть Лапина — произведение «высокой социальной температуры»... то, что в «Памире» как положительное было слепо и разбросанно, тут осознано, цельно... Раз взятый метод сохранен, но автор сумел применить его гораздо успешнее.

Отмечая схематичность и газетные приемы в обрисовке некоторых типов и событий, т. Ким признает вещь удачной, особенно хорошо подан этнографический материал.

Б. Лапин дал произведение художественно-документальной прозы на высоком мировоззренческом уровне. Этот жанр имеет у нас сейчас большой успех, его надо культивировать. «К срывам повести, — говорит т. Леонидов, — надо отнести вялость формы, местами языковую сухость и штампы».

Произведение, сделанное на основе факта, документа, часто вызывает у читателя подозрение в подлинности этих документов и фактов. «Памир» не смог убедить в достоверности, подлинности описанных событий. Новое произведение Б. Лапина, по мнению т. Никулина, убеждает именно правдивостью, жизненностью фактов, достоверностью документов. С идеей повести — разоблачение мнимой героики представителей японской военщины — автору, несмотря на ряд ошибок, справиться удалось.

В творчестве Б. Лапина характерная черта — умение схватить деталь, подробную суть, основы явления, типичные черты действующего лица. Отмечая особенно удачное применение Лапиным этого метода в новой повести, тт. Сиосырев и Павленко в то же время указывают на излишнее нагромождение отдельных подробностей, особенно по линии документации и в отношении некоторых эпизодов.

Дать тип представителя класса империалистов — значит показать человека большой волевой силы. Офицер японской армии Араки — главное действующее лицо повести — по мнению т. Субоцкого, этими чертами не наделен. Он не характерен для японской военщины, жаждущей завоевания, побед. С этим указанием т. Субоцкого согласился т. Ким.

В ответном слове т. Лапин указал, что часть критических замечаний верна для прочитанного отрывка повести, но отпадает по отношению к произведению в целом. По мнению автора, высказанные пожелания и советы имеют для него большую ценность.

Большим недостатком вечера является отсутствие на читке представителей критических кадров.

Отсутствие на творческих вечерах критических кадров снижает ценность творческих вечеров. Надо добиться, чтобы на очередных читках присутствовало бы большое количество работников критического фронта.

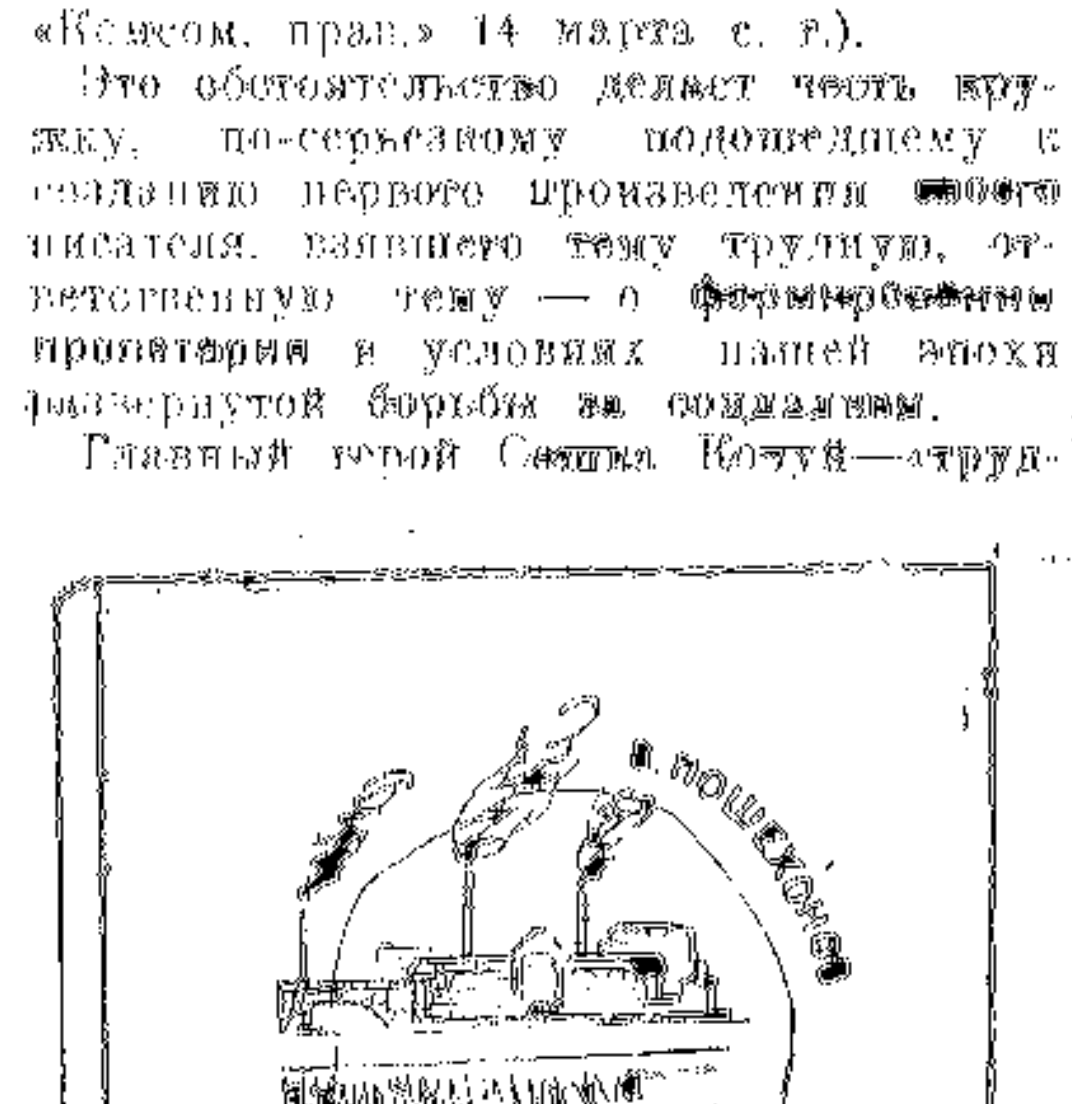
Б. М.

„Кочуй“

Автор повести «Кочуй» Вс. Пошехонов — молодой ленинградский рабочий. Свое первое произведение он написал при непосредственной помощи товарищей по заводскому литкружку: литкружковцы обсуждали «главы повести, черновики, отдельные главы» (см. «Комсом. прав.» 14 марта с. г.).

Это обстоятельство делает честь кружку, по-серьезному подошедшему к созданию первого произведения своего писателя, взявшего тему трудную, ответственную тему — о формировании пролетария в условиях нашей эпохи развернутой борьбы за социализм.

Главный герой Сашка Кочуй — «трудно воспитуемый» тип подростка, приходящего на завод.



Полубеспризорная жизнь наступила в ранние годы сиротского детства, бродяжничества по селам в качестве ученика у пьяницы-плотника Юркина, который «недоучил» подростка «плотницкой мудрости» по причине своей смерти от самогона, затем снова — деревенское стадо и скоро — уход из деревни «на все четыре». До завода Сашка работает у частника каталем («тачку с песком катал на каюки, на песчаные речные лодки»), слушая ехидные речи хозяина:

— «Власть-то, Сашка, советская, законы советские, все советы рабочие, все советы крестьянские, а работаешь ты у меня поденно и за приличную цену, два целкача, ночевка, отопление, освещение и так далее, изволь, брат, вкалывать, втыкать, наворачивать».

«И вкалывал Сашка от темна до темна».

Не выдержал Сашка условий непомерной эксплоатации частника — и вместе с другими каталями добрался до Смольного. Сашку направили на резиновый завод.

Пришел Сашка на завод таким двадцатилетним «молодцом», что «посадские ребята прячутся за углами, когда мотается по грязи широченный клеш Сашки Кочуева». «Еще ни один ударник из-за Нарвской заставы не заставил спрятаться Сашку за углы, сколько бы ни пьянствовалось, сколько бы ни гулялось».

Вот уже два месяца, как Сашка работает на заводе. Помнит хорошо он слова товарища из Смольного, сказанные на прощанье: «Работай, парень, гляди, увидишь — что к чему, товарищей найдешь». Помнит Сашка эти слова, но продолжает жить «непонятно и мутно». Смутной и непонятной была жизнь завода. Для него «пустыми словами звучали слова об ударных бригадах, потерях, рационализации». Новый заводской приятель, Вовка Теплов, водит его, «сильного телом и духом дурака», по грязным трущобам, «по пивным, по знакомым Катькам и знакомым кабакам». В то же время Сашка остро осознает, что живет он скверно, что Вовка — дрянь, что нужно жить по-иному.

Положительное в повести В. Пошехонова — прежде всего — уже самое стремление, не смазывая конкретных трудностей, стоящих перед новичком Сашкой Кочуем, показать процесс «очищения» молодого, неоформленного рабочего от грязи капиталистического прошлого.

Тут существенно, прежде всего, то, что художественная аргументация в разработке главной темы произведения идет по верному пути.

Здоровые классовые тенденции, умственная одаренность в Сашке — все это намечается повестью задолго до качественно определившегося переломного момента в поведении героя на заводе. Больше того, пытливость и здоровый интерес Сашки к производству и к новым формам труда на заводе встречают сначала поверхностное, нечуткое отношение со стороны отдельных рабочих.

Но перевоспитывающая сила всего производственного коллектива в отношении «темного, что пивная бутылка», Сашки приводит его через борьбу в деятельность в ряды энтузиастов социалистического строительства. На этом процесс переделки Сашки Кочуя не закончился. Конец повести — начало нового этапа сознательной жизни пролетария Кочуева. Повесть, таким образом, намечает линию роста качественно нового Кочуя.

Рецензенты, разбиравшие повесть Вс. Пошехонова, усматривают в ней недостаточное отображение работы парторганизации на заводе и недостаточный показ инженерно-технических работников. Это правильно.

Но нам хочется «видеть» автора еще в другом: в недостаточно полном показе типов энтузиастов-производственников. Развернул ли писатель образы заводской молодежи, кроме самого Кочуя? Нет. Типы — Булатка, Зоя, Потапыч, Колька — интересно намеченные, но явно недостаточно разработанные. И это — очевидный недочет произведения, поскольку остается не освещенным основное в повести — отряд новых людей, которые воздействуют на Сашку.

Образ Вовки Теплова мы оспариваем. Тип мелкокалиберного захребетника, паразита, пробравшегося в комсомол из чуждых социальных слоев с целями мизерно-эгоистическими, но и всегда готового на вредительские действия, задуман правдиво и убедительно. Но автор слишком упростил этот тип. Липкость, ничтожество Вовки, внешняя и внутренняя карикатурность образа до того обнажены с самого начала, что, собственно, и разоблачать-то в Вовке ничего не остается.

Ценна попытка автора найти органическое место в ткани повести картинам производственных процессов. Это — нелегкая задача.

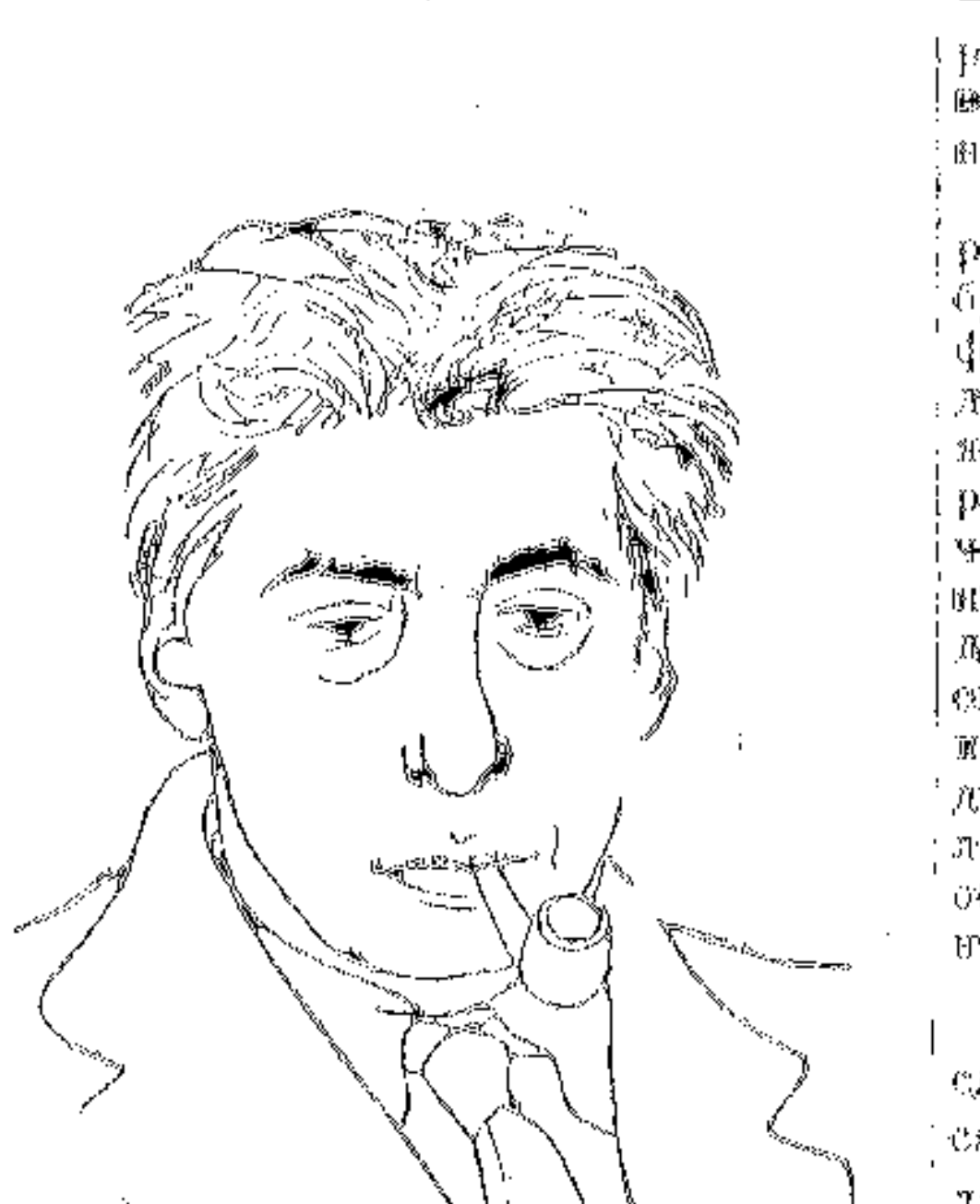
Идейная и эмоциональная комсомольская зарядка в повести, ряд художественных достижений автора — все это положительные свойства повести, которые свидетельствуют о том, что молодой рабочий-писатель при усиленной работе над собой достигнет больших результатов в своей дальнейшей творческой практике.

В. СИДОРИН

Опустошенность буржуазной литературы

Интерес к произведениям советских писателей возрастает

Беседа с И. Эренбургом



Из-за границы приехал Илья Эренбург. В Москве писатель пробудет месяца полтора и, примерно, 10 октября снова выедет за границу. В беседе с сотрудником «Литературной газеты» И. Эренбург заявил, что он осуществил бы свое желание остаться в Москве хотя бы до ноября, чтобы присутствовать на всесоюзном с'езде советских писателей, но за границей ждут его неотложные дела: писатель работает сейчас — совместно с кинорежиссером Пабст — над фильмом, который будет посвящен гибели спичечного короля Крейгера. «В этом фильме, — говорит Илья Эренбург, — я хочу передать конец крупного капиталиста и показать его влияние, воздействие на экономическую жизнь страны.

Частично эта тема взята из моего романа «Единый фронт» (еще не напечатанного на русском языке), романа, темой которого является борьба Крейгера с Советским союзом. Названный в переводе «Европа. Акционерное общество», роман уже вышел на французском, немецком и шведском языках.

— Сегодняшнее состояние литературы Запада? — спрашивает Илья Эренбург. — Главная черта сегодняшней французской литературы — это определенная оторванность от реальной жизни и благодаря этому культ литературы случайного. Если случайно у человека палец на руке немного длиннее или короче, чем у всех прочих людей, — это представляется французскому романисту гениальной находкой, и всю свою жизнь он готов ходить вокруг этого пальца. Французская литература берет свои темы, главным образом, из монотонной любовной жизни.

Последние годы принесли глубокий сдвиг сознания многих французских писателей. Наиболее показательным является последний этап Андре Жида (этап, ярко отраженный в его письме в «Литературную газету»). Я недавно встречался с ним в Париже, и он мне говорил о принципах коммунизма с восторгом и жаром юного пионера. Я, конечно, несколько сомневаюсь в экономических познаниях как Андре Жида, так и многих других дружественных нам писателей. Но их искренность и убежденность не подлежат никакому сомнению.

Из известных писателей, которые относятся к нам с симпатией и которые становятся на путь, ведущий в нашу сторону, можно назвать Блез Сендрара, Андре Мальро и Андре Шамсон. Французская литература страдает такой болезнью: каждый французский писатель умеет хорошо писать и не знает, о чем писать. С нашим писателем часто происходит обратное. Он совершенно переполнен материалом, но часто совершенно беспомощен перед этим материалом.

Нужно указать на неизменный интерес во всей Европе к нашей советской литературе. Как один из наиболее ярких примеров, можно привести также чрезвычайно показательное явление.

В Германии, где, как известно, — страшный кризис, самые крупные буржуазные издательства не выдерживают, то и дело банкротятся или находятся накануне банкротства. И, несмотря на это, одно из издательств, издающее советскую литературу (Малик) за последний год кризиса продало книг больше, чем за предшествовавший год. Это вызвано повышенным интересом читательских кругов к социальным вопросам, повышенным интересом к советской литературе. Безработные, из тех, кто получает пособие и таким образом имеют возможность пока не умирать голодной смертью, располагают достаточным досугом, чтобы читать и разбираться.

В книжных магазинах Испании наиболее в ходу переводы с русского. Я видел книги Бабеля, Федина, Гладкова и других советских писателей... Видел в глухих испанских деревушках, на заводах и на приисках. Во Франции, несмотря на противодействие, которое по большей части вызывается политическими причинами, интерес к советской литературе неизменно увеличивается. К сожалению, наша литературная продукция еще не всегда способна удовлетворить требования, пред'являемые к ней во всех странах Западной Европы. До сих пор переводы попрежнему ограничиваются 15—20 книгами, относящимися, к сожалению, не к последним годам.

Интерес к содержанию наших книг часто заставляет иностранного читателя прощать автору несколько неуклюжую его обработку.

И, конечно, для того чтобы наша советская литература заняла подобающее ей, по исторической ее роли, первое место, необходимы книги, которые по своему мастерству и по своей значительности были бы эквивалентны историческим событиям. Это необходимо и это возможно — апрельское постановление ЦК создает новые условия для нашей литературной жизни, открывает перед работниками пера широкую дорогу. Постановление ЦК дает советскому писателю возможность создать литературу более глубокую и правдивую.

Над чем я работаю?

Одно из последних моих произведений «Москва слезам не верит» начал печатать в «Красной нови», «Хлеб наш насущный», вещь, которую я называю хроникой наших дней, будет печататься в «Новом мире». Тема? Она посвящена пятилетке, мировому [illegible] кризису.

Сейчас в издательстве «Федерация» должна выйти книжка «Испания». Забавно будет рассказать, как эта книжка убедила меня в том, что литература может оказывать прямое и непосредственное воздействие на жизнь. Книжка прежде всего вышла в испанском переводе под ироническим заглавием «Республика трудящихся». В ней, между прочим, было рассказано об одной деревне, где крестьяне жили на берегу озера, полного форелей, и голодали. Форели принадлежали одной мадридской сеньоре, которая жила в Мадриде, была очень богата и с форелями ничего делать не могла. Революция в положении крестьян, конечно, ничего не изменила, и я, между прочим, в «Республике труда» честно описал жизнь деревни.

Когда крестьянам прочли главу из этой книжки, они сказали: пойдем поджигать дом администрации, представителей сеньоры. И тогда из Мадрида срочной телеграммой распорядились отдать озеро крестьянам.

Вскоре после этого в республиканской газете «Либертет» («Свобода») стали доказывать, что я [illegible], и потом потребовали запрещения через дипломатический корпус выпуска книжки на всех других языках.

Во время моей судебной «тяжбы» с Батей я массу времени затратил на подбор документов и книг — о зарплате, рабочем времени..., — чтобы доказать суду правильность моих утверждений. Батя разбился, но «тяжба» еще не кончилась.

— К сожалению, — заявил в заключение Эренбург, — мне приходится жить тем образом жизни, каким живут кочевые племена. Кочую по странам. А если побываю в одной — мне уже нет возврата. Польша, Чехо-Словакия, Италия... — страны, в которые в'езд писателю Эренбургу запрещен.

Сейчас меня особенно интересуют сдвиги в человеческом сознании, в сознании людей нашей страны. Меня интересует — и я буду смотреть и изучать — жизнь нового поколения, которое практически строит страну.

* * *

Илья Эренбург дал согласие при своей очередной поездке по Европе систематически писать в «Литературную газету», знакомить нашего читателя с культурной жизнью Запада, в частности с положением современной художественной литературы.

И. Анисимов

Новые французские романы

Как никогда, усердствуют продажные перья литераторов империализма, воспевающих «величие», «благородство», «торжество», «гений» буржуазной цивилизации. Капитализм идет к своему краху, буржуазная цивилизация стала цивилизованным варварством — литераторы буржуазии пышными фразами стремятся прикрыть это. Но прикрыть этого уже нельзя.

«Благородство нашей цивилизации, которая дала Платона, стоиков, Христа, святых, гуманистов, Монтеня и Гете!» — патетически восклицает Гастон Риу, присяжный лакировщик, гуманист и [illegible]. Да, буржуазия давала в период своего расцвета великих мыслителей и художников. Но они принадлежат теперь уже не ей, а рабочему классу, строителю нового мира. Прошлым нельзя прикрыть язв гниющего капитализма.

О цивилизованном варварстве убедительно, неопровержимо говорит искусство современной буржуазии.

Об этом свидетельствует современная литература французского империализма. Посмотрите на ее последние сенсации, ее «новинки»! Не будем касаться мутного потока захлестнувших литературу каннибальских, разнузданных, зверских книг об империалистической войне, написанных с целью подготовки новой бойни, интервенции против СССР. Не будем трогать еще более разнузданных и варварских книг, воспевающих колониальное рабство. Не коснемся чудовищно разросшейся бульварной порнографической литературы, прекрасно характеризующей уровень современной «культуры» буржуазии. Возьмем лишь несколько последних выступлений крупнейших прославленных французских писателей.

Это — «цвет литературы». С чем выступают эти первоклассные литераторы французской буржуазии? Они выступают с невольными признаниями того, что капиталистический мир идет к своему краху. Они становятся философами гибели капитализма, поэтами отталкивающего безобразия капиталистического мира.

ЖЮЛЬЕН ГРИН опубликовал роман с характерным заголовком «Отбросы». [illegible]: Не подумайте, что речь идет о «подонках» капиталистического общества. Грин изображает добропорядочного, «нормального» буржуа. Как же выглядит этот «носитель цивилизации»?

Грин воспроизводит жизнь, утратившую всякий смысл, господство животных, низменных инстинктов, которым все подчинено. Герой Грина — ничтожество, отвратительное и плоское. Критик романа Жак Декур задает автору вопрос: почему он оставил жить своего героя? Настолько «выразителен» этот буржуа.

Что такое Жюльен Грин? Революционер, литератор, порывающий с капитализмом? Нет, Грин, ортодоксальный буржуазный литератор. Он верно защищает империализм. К разоблачениям, которые даны в романе «Отбросы», к признанию того, что прославленный «носитель цивилизации» представляет отталкивающий в своем безобразии кусок загнивающего мира, Грина привели не его революционные убеждения, а та действительность современного капитализма, которая смотрит из каждого угла капиталистического мира, язвы которого прикрыть уже нельзя.

Роман Грина полон глубокого пессимизма.

Он берет отдельные как бы случайные, тщательно изолированные явления: художник, как огня, боится обобщения, само собою напрашивающегося. Но кого же можно обмануть этой об'ективистской иллюзией? Грин показывает не экзотическую, в каких-то отдаленных закоулках капитализма разысканную фигуру. Нет, это фигура «главной улицы», явление типичное, подлинный образ загнивающего капитализма.

Вот почему Грин вовсе не одинок в своих невольных разоблачениях, в своих мрачных предвидениях. Франсуа Мориак — другой крупнейший писатель французского империализма — выступает с романом «Гнездо змей» „Le Noeud des vipères“, который нельзя не поставить в один ряд с «Отбросами» Грина. Мориак берет среднюю буржуазную семью — и получается картина настолько симптоматическая, что критик Рамон Фернандес, выведенный из себя, бросил злобное замечание: «Наверное автор затыкает нос, описывая подобных персонажей».

Отец, озверело ненавидящий своих детей; дети, сплотившиеся друг с другом в смертельной ненависти; интересы кошелька и брюха, определяющие все мысли и всю этику этих «носителей цивилизации», — [illegible] и отвратительная клоака. Цинизм, доведенное до предела ханжество, ни с чем не сравнимое господство самых узких, постыдных — вот черты людей, воспроизведенных Мориаком. «Гнездо змей»!

Андре Терив — фашистский литератор — пишет в газете «Там» о книге Мориака, пародируя «возможное советское предисловие»: «Еще никто не описал с такой прозорливостью эту мерзость буржуазии и чудовищность капитализма». Пародия господина Терива близка к истине. Действительно, в книге Мориака буржуазная цивилизация обнажает свое варварское лицо.

Прочтя последние романы Грина или Мориака, не удивишься, найдя в передовой статье берлинской Literarische Welt глубокомысленные рассуждения: «Мы все ищем черта, мы все стали искателями чертовщины... Дьявол ходит между нами... Кризис буржуазии — это поиски дьявола... Мы пребываем в примитивном древнем ужасе человечества, как тысячу лет назад... Где же дьявол, который виноват во всех бедах мира? Давайте искать его».

Роман Мориака мрачен. Как хорошее естественное дополнение его, появляется роман писателя, избравшего своей специальностью пропаганду панеевропеизма, гуманистической фразой стремящегося прикрыть приготовления к новой бойне, — ДРИЕ ЛЯ РОШЕЛЛЯ.

«С каждой страницей мрак отчаяния окутывает книгу... сам автор охвачен смертельной тоской» — меланхолически высказывается об этом произведении французский критик.

Герой «Отбросов» Грина остался жить, Дрие приканчивает его. Аллен в «Блуждающем огоньке» „Le Feu follet“ представляет как бы продолжение Филиппа из «Отбросов». Роман Дрие ля Рошелля не лишен своеобразного, и очень мрачного, «изящества». Он очень лаконичен, охватывая всего 48 часов жизни буржуа, не перегружен излишними подробностями. Чистая работа. Компактное произведение.

Это — роман смерти в буквальном смысле слова. Он открывается рядом страниц, доказывающих бессмысленность существования героя. «То, что было жизнью, не представляло абсолютно никакого интереса... Сознание более невозможно, ибо нечего сознавать».

После такого «в хорошем темпе», как выражаются театральные рецензенты, развернутого пролога следуют сцены, на протяжении которых герой решает вопросы: какой способ самоубийства является наиболее приемлемым, какую обстановку надлежит выбрать для этого акта и, наконец, в какой час дня или ночи всего приятнее пустить пулю в лоб? Когда все эти сложнейшие вопросы выяснены, роман приходит к своему завершению.

Дрие ля Рошель — воинствующий литератор империализма. Такая книга, как «Блуждающий огонек» — роман смерти — выходит из-под его пера как невольное и симптоматическое признание того, что капиталистический мир стоит на краю пропасти.

Еще одна «новинка» французского романа. ПОЛЬ МОРАН, виднейший апологет империализма, лакировщик, побивающий самые высокие рекорды этого хорошо оплачиваемого ремесла, выступил с романом «Стрела Востока» („Flèche d'Orient“). Книга открывается изображениями буржуазного мира как «века скорости», процветания, идиллией капиталистического благополучия. В Париже в кружке кутил заключается своеобразное пари: знаменитый авиатор берется привезти на аэроплане из Румынии два кило свежей икры. Прилетев в Бухарест, авиатор, бывший русский, акклиматизировавшийся во Франции, под влиянием «необ'яснимого импульса», едет на берег Днестра. Только узкая полоса воды отделяет его от другого мира, от Страны советов. Он слышит песни, раздающиеся на том берегу, он ощущает запах советских полей.

И вот роман лакировщика перекашивается неожиданной гримасой. Авиатор, забыв о пари и двух кило икры, нанимает лодочника, который ночью соглашается переправить его на тот берег.

Речь не идет здесь о том, что герой Морана разрывает с капиталистическим миром. Моран подчеркивает мистический, роковой смысл поступка. Герой его идет «в ничто». Ломаясь, как шут гороховый, империалистический литератор обнажает разложение буржуазного мира. «Стрела Востока» — документ не менее выразительный, чем «самоубийственный» роман Дрие ля Рошелля. Сквозь гримасничанье сноба, пытающегося сделать вид, что он рассказывает пикантный анекдот, необычный и парадоксальный, выступает то же гниение капитализма, которое породило последние книги Грина, Мориака и Дрие ля Рошелля.

Пессимизм, мрачная растерянность литераторов, которых мы назвали, не означает, что мы имеем перед собою фаталистов, проповедников самоуничтожения, «автоматической гибели» капитализма. Класс эксплоататоров не сдается иначе, как в смертельной беспощадной борьбе. «Спасти капитализм», сломить революционное движение рабочего класса — вот задача, которую ставят перед собою все литераторы империализма.

Франсуа Мориак, раскрывший чудовищные картины разложения буржуазии, является воинствующим защитником империализма. Он предлагает свой рецепт «спасения». Мориак об'ясняет все низости, показанные в «Гнезде змей», тем, что буржуазия отошла от религии. Католицизм как средство дисциплинировать, закалить, вооружить буржуазию перед лицом революционной опасности — вот положительная программа Мориака. Его роман — знамя католического возрождения, проповедь фашистской литературы, открытого наступления на рабочий класс.

Призыв к фашистской диктатуре, к кровавой расправе с революцией, подготовка новой бойни, в которой капитализм хочет найти выход из кризиса, — это «дело» всех литераторов империализма.

ЖОРЖ БЕРНАНОС, один из «больших» писателей французской буржуазии, выступил с романом «Великая тревога здравомыслящих», („La grande peur des bien-pensants“). Его цели близки к целям Мориака. Он видит, что перед капитализмом разверзлась пропасть. «Нехватает воздуха нашим легким. Нечем дышать. В нашем взоре — тоска и мрак». Он ставит вопрос решительно: «Найти спасение или умереть». На фоне этих трагических предсказаний Бернанос извлекает для «молодых французов-избранников, [illegible] вчерашнего дня и завтрашнего» поучительный пример французской истории.

Фашистские литераторы нередко обращаются к прошлому — Жюльен Бенда написал даже специальную историю французов и их стремлении стать нацией (набор банальных рассуждений о «вечных Франциях», от неизбежной в таких случаях Жанны д'Арк до «солдат Марны») с целью «использовать историю применительно к сегодняшнему дню»; Бернанос посвящает свой роман жизнеописанию махрового реакционера 80-х годов — Дрюмона. Жизнь Дрюмона, «идеи» Дрюмона он рекомендует в качестве примера для французской буржуазии. Книга представляет нечто ни с чем не сравнимое по своей наглости, по своему цинизму, по своей провокационной разнузданности произведение фашистской литературы. Это славление каннибализма, зверства, тупости, проникнутое животным патологическим ужасом перед угрожающей буржуазии опасностью. Защита шкурных интересов класса эксплоататоров выступает без всякого прикрытия.

О «благородстве», «величии» цивилизации, «которая дала Платона, гуманистов, Монтеня и Гете»!

ПОДГОТОВКА к 15-летию комсомола

■ Московский [illegible] с [illegible] в [illegible] и [illegible] к 15-летию комсомола и к XVIII МЮД [illegible]. А. СУРКОВ написал две комсомольские песни: «[illegible]» (музыка композитора КОВАЛЯ) и «Комсомольский [illegible]» (музыка т. МЕЛИХ). А. ЖАРОВ написал песню «Комсомольская молодежь» (музыка композитора КРУЧИНИНА), композитор ФЕЛЬДМАН составил музыку на комсомольскую песню А. БЕЗЫМЕНСКОГО и две новые комсомольские песни.

■ В районах Москвы проводятся массовки рабочей молодежи. 22 августа в Сокольническом парке культуры и отдыха была организована большая массовка на тему «Комсомол и [illegible]». Кинорежиссеры в беседах рассказали комсомольцам, как работать над сценарием, как проводится кинос'емка. В заключение [illegible] просмотр и обсуждение нескольких [illegible] фильм.

■ 1 сентября во всех районах Москвы будут проведены комсомольские собрания и вечера рабочей молодежи. Московская ассоциация через оргкомитет союза советских писателей привлечет [illegible] писателей для выступлений на районных комсомольских вечерах с чтением произведений, отражающих молодежную тематику. К участию в юбилее комсомола привлекаются и фабрично-заводские литкружки.

Совместно с издательством «Молодая гвардия» комсомольцы завода им. Владимира Ильича выпускают книгу по истории комсомольской организации завода.

■ Московский центральный ТРАМ готовит пьесу М. Колосова, посвященную истории московского комсомола.

Что пишет „лицемерный карандаш“

Литконсультации в роли глушителей массового творчества

Ежедневно десятки и сотни писем поступают в литконсультации наших журналов и издательств. В них — первая проба пера: шестнадцатистрочный стишок; результат длительного труда — рассказ, очерк; наконец, «большая форма» произведения растущего, шаг за шагом овладевающего литературной техникой молодого писателя.

Поддержать это массовое творчество, всесторонне выявлять новые силы и таланты, воспитывать, помогать, руководить ими — такова задача литконсультаций.

Но такова задача: не такова действительность. Предпринятая нами проверка работы литконсультаций не претендует на полноту, но и ею выявлено более чем достаточно фактов бездушного, формального отношения консультаций и консультантов к начинающему автору.

Литконсультации выступают в роли... глушителей массового творчества. [illegible] парадокс!

Особенно возмутительно положение в одной из самых больших консультаций — ГИХЛ. Отписаться, поиграть в течение нескольких месяцев с автором «в [illegible]» в ГИХЛ умеют, но работать с ним по-настоящему и не думают. Надо и следует пересмотреть кадры литконсультантов — кто они. Ведь этим людям доверено важнейшее дело; нужно коренным образом перетряхнуть всю систему консультационной работы.

До сих пор многие (большинство!) журналы не считают своим долгом систематически работать с начинающим автором. Они ограничивают свою роль пересылкой рукописи в издательскую консультацию. Неверно. Каждое издание должно работать с молодежью. У каждого журнала должны быть свои авторы-корреспонденты из начинающих, за которыми редакция постоянно бы следила, направляла их творческий рост.

В консультационной работе в первую очередь необходимо ликвидировать обезличку. Консультация обязана знать людей, с которыми она работает.

Вторая, не менее неотложная задача — привлечь к работе консультаций квалифицированных писателей. Почти каждый писатель в личном порядке работает с группой начинающих. Надо организовать эту работу через консультации. Ни один писатель не может уклониться от нее. Консультации до сих пор не умели привлечь писателя — их вина в этом прежде всего.

„Ваш рассказ переслан в ГИХЛ“

В консультационных дебрях Никольской 10

Путь рукописи начинающего автора — путь длительный и [illegible] — трудно преодолимых препятствий. Литературные консультации, существующие при [illegible] газет и журналов, те самые консультации, которые призваны [illegible] к жизни новые творческие [illegible] силы, помогать начинающему автору, до сих пор очень [illegible] своих многочисленных [illegible] не справляются со своими [illegible].

ОБЕЗЛИЧКА И САМОТЕК

Литконсультация ГИХЛ — одна из крупнейших [illegible] литконсультаций. Ежедневно сюда приходят многие [illegible] рассказов и стихотворений [illegible] произвольными [illegible] письмами. Эта [illegible] пересылается [illegible] начинающих авторов. [illegible] свои «пробы пера» в [illegible] литературно-художественных журналах, но которые редко или [illegible] получает краткий стереотипный ответ:

«Ваш рассказ редакция переслала в литконсультацию ГИХЛ. Адрес — Никольская, 10».

[illegible], что «ваш рассказ переслан» [illegible] автора чаще всего [illegible] спустя несколько месяцев [illegible] рукописи в редакцию.

[illegible] литконсультация ГИХЛ [illegible] хотя бы небольшими [illegible] в своей работе с начинающим автором?

[illegible] на этот вопрос может быть только [illegible]

Не может.

Литконсультация ГИХЛ, как и консультации [illegible] других издательств, ведет [illegible] плана, системы в [illegible] установленных [illegible]. План и система [illegible]. На 4000 рукописей, [illegible] ГИХЛ [illegible] 50 проц. поступили [illegible]. Литконсультация не [illegible]. Литконсультация не знает начинающего писателя, не изучает его, не [illegible] его требованиями и запросами.

[illegible] после этого удивляться [illegible] обезличке [illegible]? Одному и тому же [illegible] рецензии разных консультантов. Систематического учета [illegible] нет, как, впрочем, [illegible] и в других издательствах, в [illegible] издательствах, как, например, «Федерация» [illegible] до 30 проц. рукописей [illegible] в литконсультацию [illegible] хронику.

В постановлении ЦК партии об издательской работе (в той части, где говорится о работе с начинающими авторами) [illegible] консультация ГИХЛ не выполнена. В своих решениях правление ГИХЛ [illegible], что издательство не справилось с задачей сколачивания начинающих авторов вокруг издательства.

СЕМЬ МЕСЯЦЕВ ПОД СПУДОМ

В ГИХЛ ежемесячно поступает около тысячи рукописей, причем около 30 проц. — из редакций журналов и газет. Печальная участь огромной части этих рукописей говорит о наличии глубокого прорыва в работе литературной консультации ГИХЛ. Рукописи начинающих авторов лежат в недрах консультации по несколько месяцев. Иногда отзывы отправляются через полгода. Рукопись Баскакова и Гончарова «Путь указал вождем» (о ростовском Сельмаше) пролежала в редакции сборника «Рабочий призыв» полгода, и только после этого была рецензирована литконсультантом Яровым. Рукопись Стригуна и Пыхтеева, посланная на консультацию в ГИХЛ, лежит под спудом больше 7 месяцев. Отзыв — до сих пор не дан. Литконсультанты на неоднократные напоминания автором отвечают молчанием.

А напоминаний, писем с просьбой написать хотя бы слово о судьбе рукописи — более чем достаточно.

Вот одно из них:

«30 декабря 1931 года мною была послана в литконсультацию ГИХЛ рукопись «Изменница дочь» — повесть из жизни батраков. По наведенным справкам в московском почтамте пакет сдан 1 января 1932 года в литконсультацию ГИХЛ. Вторично прошу сообщить мне, что могло случиться с моей рукописью? До сих пор не имею ответа. И. Стригун».

За последнее время ГИХЛ привлек к работе около 40 внештатных рецензентов. Фактически из привлеченных товарищей работает только 6—7 человек. В результате здесь снова скопилось 600 рукописей, на которые еще не даны отзывы. 130 рукописей из этого числа находятся на руках у рецензентов. Кадры рецензентов в значительной своей части еще недостаточно квалифицированы, но несмотря на это никакой воспитательной работы с ними не ведется.

И это — беда не только ГИХЛ. Это — больное место ряда издательств. Существенное исключение представляет лишь литкабинет оргкомитета ВССП, где консультанты и руководители литкружков взяты в серьезную «обработку».

Консультанты... О них следовало бы поговорить подробнее.

КАДРЫ «ТЕКУТ»

В списках каждой литконсультации числятся «почетные рецензенты». Одни и те же фамилии приходится видеть в списках нескольких издательств. Это — фамилии советских поэтов и писателей: Безыменского, Ставского, Жарова, Гидаша, Суркова и др. В силу своей перегрузки в основной творческой работе эти товарищи, естественно, уделяют немного времени консультационной работе в каждом из издательств. В издательстве «Федерация» к консультационной работе привлечены такие поэты и писатели, как **В. Лидин, Э. Багрицкий, Н. Огнев, К. Зелинский.**

Хорошо?

Отлично. Но могут ли эти товарищи быть продуктивны в своей работе, если «Федерация» не имеет нужного помещения и писателям приходится вести консультационную работу, главным образом, у себя на дому?

Дальше:

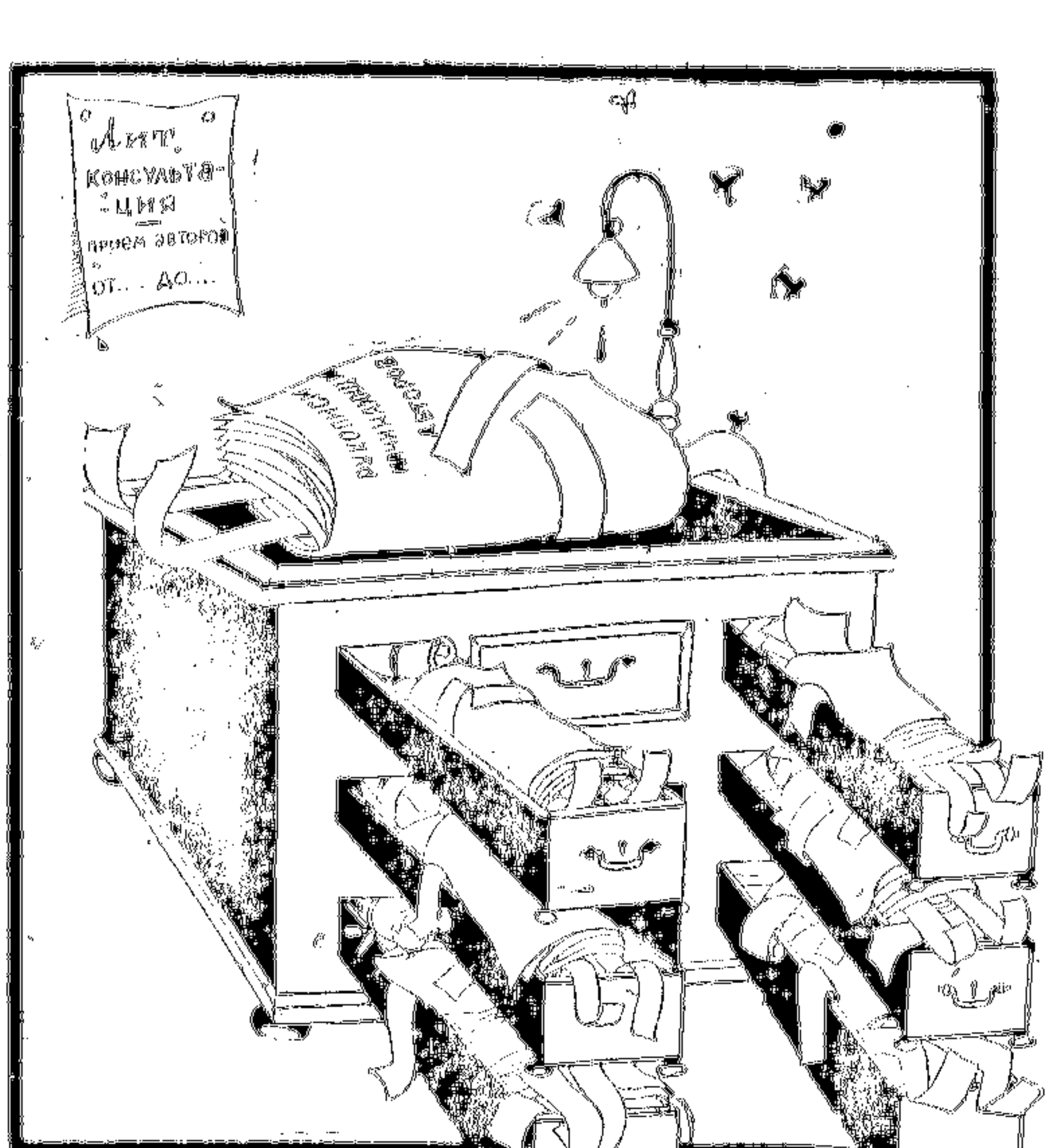


Рис. худ. Бурякина

Кладбище начинающих авторов

В ГИХЛ и «Молодой гвардии» в качестве внештатных консультантов работают практиканты-вузовцы. Эти кадры нельзя назвать надежными кадрами. Они непрерывно «текут». Вузовцы мало подготовлены для консультационной работы. Не по этой ли причине литконсультации часто бракуют рецензии своих консультантов?

Уже одних этих строк достаточно, чтобы можно было заподозрить неладное в работе литконсультаций ряда других издательств, в частности той же «Федерации» и той же «Молодой гвардии».

МЫ РАБОТАЕМ НЕ В СССР

В консультационной работе «Молодой гвардии», так же как и в ГИХЛ, — отвратительный узаконенный самотек. При организованном секторе издательства существует специальная консультация, но нет ни одного штатного консультанта. Есть, правда, один. Но он работает по договору. Сорок консультантов, числящихся по списку внештатных, работают случайно, по настроению, время от времени. В консультацию ежедневно поступает не менее 15 рукописей, но и это небольшое количество некому просматривать и изучать.

Совсем плохо обстоят дела в Профиздате. Здесь вообще нет никакой консультации. Работники издательства на наш вопрос, как работает литконсультация, сделали удивленное лицо.

— Но ведь при каждом издательстве СССР должна быть консультация? — опрашиваем мы.

— Ну, что ж? А у нас ее нет. Можете сделать вывод, что мы работаем не в СССР, — заявила сотрудница книжного сектора Профиздата.

Все это тем более удивительно, что при Профиздате имеется кабинет рабочего-автора. Впрочем, на поверку оказалось, что рабочий-автор заглядывает в кабинет не особенно часто. Делать там ему нечего, ибо кабинет из-за отсутствия работников работает кое-как. Основную работу с начинающими авторами проводят редакторы издательства в порядке своей повседневной редакторской практики.

ТОЛЬКО В НЕКОТОРОЙ ЧАСТИ

Литконсультации наших издательств в некоторой части содействуют продвижению произведений начинающих авторов в печать. В 1931 году ГИХЛ впервые напечатал 60 произведений начинающих авторов и выпустил два сборника **«Рабочий призыв»**, где было помещено 50 произведений. В нынешнем году ГИХЛ выпустит два сборника **«Рабочий призыв»** и **«Ударники — XV Октябрю»** и сборник произведений рабочих-ударников заводов «Каучук», № 32 и фабрики быв. Ливерс. «Молодая гвардия» издает два сборника рабочих-ударников. Издательство «Федерация» совместно с оргкомитетом намечает выпустить серию «За учебу» в помощь начинающему автору. Было бы поэтому ошибочно обвинять издательства в полной бездеятельности или в полном отсутствии консультационной работы. Положительные моменты есть, но они еще настолько незначительны, что иногда теряются в потоке беспорядков.

Один из первоисточников зол нужно искать в том, что издательства до сих пор слабо привлекают к консультационной работе квалифицированные кадры советских писателей, а если иногда и привлекают, то не совсем удачно. Подтверждением этого могут служить факты, приведенные выше. Самотек и бессистемность — вот с чем нужно бороться. Обезличка — вот больное место, которое нужно лечить. Уравниловка в оплате труда литконсультантов — вот на что нужно обратить внимание. Трудно требовать от рецензента хорошего качества работы, если любая рецензия оплачивается, как правило, 3—5 рублями («Молодая гвардия»).

К слову сказать, уравниловка в оплате рецензий имеет место и в литкабинете оргкомитета ВССП, где каждая рецензия оплачивается в среднем из расчета 6 рублей за печатный лист рецензируемой рукописи.

Л. АГЛИЦКИЙ
А. КРУПНОВ

Не пиши, не пиши!..

[illegible] литконсультанта «Молодой гвардии» [illegible] подход к молодым [illegible]. Консультант, правда, [illegible] способов. [illegible] не отличаются от методов многих других издательских чиновников, [illegible] на консультационном [illegible]. И все же надо отдать ему [illegible], он сумел внести в свою работу рецензента кое-что и от себя.

[illegible]

[illegible] у консультанта рецензия [illegible]. [illegible] обращаться [illegible] далеко-далеко [illegible] у самого положения консультанта. Немножко [illegible], немножко иронии, немножко [illegible], немножко покровительственной мудрости — таков рецепт [illegible].

И по этому именно рецепту составлено [illegible] «критическое письмо» [illegible] товарищу Назарову», приславшему в литконсультацию «Молодой гвардии» свое первое творение.

[illegible] письмо.

«Для того, чтобы писать стихи, — [illegible], — нужно прежде [illegible] грамотным, культурным человеком. Ваш отрывок из поэмы [illegible]. Вы не обладаете не только культурой стиха, но и элементарной грамотностью».

[illegible] вбивать [illegible] в головы, что стихи [illegible] писать, изучив половину [illegible] и, тем более, элементарную грамотность. [illegible] Назарову [illegible] в том случае, если он пишет [illegible] (в ответ на его рецензию) [illegible]. И это знает сам Назаров? [illegible] нужно. О необходимости [illegible] нужно говорить? [illegible]

[illegible] рецензента, у [illegible] помощника советчика [illegible] сказал так, что Назарову [illegible] бы доставать эту самую «элементарную грамотность» и культуру. У рецензента из «Молодой гвардии» это получается иначе. После его холодного и пугающего «вы не обладаете не только культурой» у Назарова опустятся руки.

Придется, видно, университеты сначала проходить, а потом уж браться за стихи.

Не так ли, товарищ рецензент?

Не применимо ли к определенной выдержке из вашей рецензии всем хорошо известное ленинское:

«По форме правильно, а по существу издевательство».

Однако пойдем дальше.

Просветив робкого липецкого автора, указав ему пути к овладению культурой, наш рецензент переходит к конкретной критике.

Путь наш к цели был очень и очень трудный,
Мы каждый кусок своим смягчали...

Согласны, товарищ «критик». Строчки неважные, и вполне возможно, что они грубо задели своими неотесанными углами чуткие струны вашей тонкой и впечатлительной натуры. Но следует ли из этого, что критик, прочитавший эти строки, должен становиться в издевательскую позу и говорить издевательским языком, как это делаете вы:

«Какой кусок вы смягчали? Чем это своим? Своим куском, что ли?».

Сомнительна, очень сомнительна воспитательная действенность этих ваших слов, как сомнительна она и во всех последующих ваших поучениях, как сомнительна она и в тех строчках вашей рецензии, где вы, взяв под иронический обстрел строчку «в эту разрытую плоть земли», пытаетесь доказать автору неграмотность фразы (хоти на ваш взгляд для начинающего поэта «плоть земли» не такой уж неграмотный поэтический образ).

«Слово «плоть» связано не с плотностью, как думаете вы, а с живым одушевленным предметом, с вами, например. И разрывать вас, рыть, да еще прокладывать рельсы (в мясо, в крови) — как вы это оцените?».

На этот вопрос ответим за Назарова.

— Никак. Назаров попросту не понял ваших мудрых откровений.

Причем здесь «плотность?».

Кто вам сказал, что автор стихов имел в виду именно плотность, когда написал это злополучное «плоть земли?».

Впрочем, автор многого не понял в вашей писанине. Не поняли, признаться, и мы. Читая строчки, где вы говорите о солнце, о луне и месяце, мы знали только одно: рецензенту нужна культура или хоти бы элементарная грамотность, которую с такой развязностью рецензент предлагает Назарову.

«Критик» преподает начинающему несколько уроков грамотности. «Нельзя писать отдельно «в верх», «от туда», «на [illegible]», «не поладки» — все это пишется вместе, а последнее слово пишется — неполадки». Он также советует автору посещать «какие-нибудь вечерние курсы» и читать классиков и современных поэтов. Все это было бы не плохо, если бы наш рецензент, выпячивая штампованные заклинания, хотя бы на минуту вспомнил о человеке, который будет читать рецензию. Молодой рабочий парень узнал, как писать «неполадки», но остался в полном неведении относительно классиков, которых нужно читать. Каких классиков нужно читать? Что у классиков нужно читать?

Мы не приводим рецензию полностью только из боязни того, что будет слишком однообразно. Рецензент из «Молодой гвардии» не изобретателен, и хотя в его методах есть кое-что свое, он все же плотно стоит в шеренге таких, как он, однообразных, утомительных, вредных чиновничьих душ, по недоразумению взявших в руки критическое перо. Их много. Работают они, положив в основу — на беду начинающих авторов — чеховское шуточное «не пиши» (помните, насчет писательского зуда, который неизлечим?).

В самом деле. Похоже на то, что многие из консультантов задались целью на практике испытать это средство.

А если похоже, то не применить ли нам в отношении многих из консультантов то же чеховское средство:

— Не пиши!

Уж лучше пусть не пишут они.

ВЛ. С.

Вещественные доказательства

«Ваше пожелание было исправить ошибки, которые вы видели в повести «Месть». Вы реально сделали свое дело — и ладно! Помогать не хочу! Это видно из вашего ответа. Ваша вина еще в том, что, продержав рукопись больше трех месяцев, вы отослали ее в виде насмешки». **А. Найденов** (Новороссийск).

«Тов. Калмыков, у меня есть желание учиться, поэтому я и просил, чтобы вы мне указали, как писать дальше, где учиться, а вы говорите, что нет политической культуры. Если бы я родился таким культурным, как вы хотели, то я бы не дал ни одной строчки своего стиха вашему лицемерному карандашу.

Вы приписываете мне те слова, которых у меня нет. С приветом

Семеньких».

Это — письма начинающих авторов в консультацию ГИХЛ.

Они не исчерпываются приведенными здесь примерами. Жалобы на поверхностные, подчас курьезные отзывы рецензентов — явление частое, явление повседневное. И нет ничего удивительного в том, что т. Найденов из Новороссийска ругает литконсультанта ГИХЛ, а т. Семеньких с горечью говорит о «лицемерном карандаше» «критика» Калмыкова. Образцы рецензий, которые мы приводим ниже, достаточно убедительно говорят о том, что качество и характер многих рецензий никуда не годятся, что качество и характер рецензий не отвечают подчас элементарным требованиям, которые предъявляются нашим литературным движением к [illegible] литконсультациям.

Нельзя отрицать, что среди консультантов есть товарищи, которые внимательно относятся к рукописям начинающих авторов, помогают им своими конкретными советами, содействуют их творческому росту. Об этом говорит ряд писем, получаемых начинающими авторами и издательствами. В качестве примера можно привести письма Денисова литконсультанту ГИХЛ т. Боровкину, А. Алексеева консультанту Любимову, Бескровного литконсультанту кабинета оргкомитета ВССП т. Эркину.

ВДУМАЙТЕСЬ В СЛОВО «ЧЕРТИ»

Литконсультант ГИХЛ Н. Шестиналов в рецензии на стихотворение Г. Алексеева «[illegible]» пишет: «В стихотворении вы пишете:

За профмиллион, как черти,
Сражаться будем мы.

Вдумайтесь в слово «черти», где вы видите, чтобы черти сражались за что-нибудь. Неудачно не только по форме, но и по содержанию. В чертей, ведьм, русалок и т. п. верят только культурно отсталые люди».

СТАТЕЙНАЯ СВИНЬЯ

В числе других отзывов в литконсультации ГИХЛ хранится и отзыв П. Никитина о стихотворении Ф. Зайцева «Свинья». Литконсультант пишет:

«Материал вашего стихотворения «Свинья» — статейный. Если же вы все-таки задумали об этом написать стихотворение, то нужно было взять определенную свинью, у которой, может быть, одно ухо иное [illegible]. Нужно было взять [illegible] единоличника, у которого свинья растет очень плохо и почти совершенно не дает приплода. У вас получилась рифмованная заметка — не больше. Ваша строфа вытягивается в самую обыденную статейную строку».

«ВСЕГО ДОБРОГО. ПИШИ, КАК УЧИШЬСЯ...»

Не менее интересна рецензия рецензента издательства «Молодая гвардия» т. Герминзона. Он пишет начинающему автору [illegible]:

«Дорогой т. [illegible]!

Твои стихи очень плохие. Такие стихи писать не стоит. Это еще мало, чтобы в стихах было правильное содержание. Стихи только тогда хороши, когда и содержание правильное и звучат они хорошо. Лучше тебе теперь стихов не писать...

Всего доброго. Пиши, как учишься!»

А вот отзыв литконсультанта ГИХЛ т. Магера.

Правильно указывая на примитивность и поверхностность стихов т. Никитина, консультант не указывает начинающему автору путей преодоления этих недостатков. Магер пишет: «...Избрав тему, нужно давать ее подробно и глубоко, нужно освещать ее [illegible]».

Далее следует обычное перечисление:

«Читайте Маяковского, Бедного, Безыменского, Жарова, читайте журналы «Пост», «Комбайн». Внимательно работайте над словом».

Чему учиться у Демьяна Бедного и Владимира Маяковского? Что читать в перечисленных журналах? Об этом рецензия ничего не говорит начинающему автору.

ГРОХОТОВ

Из иностранной поэзии

Каунти Куллен

Негритянский поэт Америки

НАСЛЕДИЕ

Что мне Африка теперь?
— Солнце, медь, песок и зверь,
Джунглей звезды, джунглей зов,
Сталь мужчин и мягкий глаз
Женщин, через чей живот
Вышел жить наш черный род...
— Триста лет прошло. И мне
Чуждо милое отцам
Прошлость рощ, тусклый зверь,
Что мне Африка теперь?
Так я лгу, но целый день я
Слышу, как летает пенье
Птиц непознанных, когда
Мчатся скудные стада
К непроезжим пить идут
Через травы, где, как жгут,
Плоть двух любящих сплетя,
И над ними — высота.
Так я лгу. Но вот удары
Барабанов — и я, [illegible]
Затыкаю пальцем уши,
— Барабаны воздух рушат...
Так я лгу, один из тех,
Кому нет сильней утех
И тоски милей, чем та
В темном теле густота
Крови черной, как вино.
— И пульсирует вино,
И боюсь, чтобы не сбыли
Этот пульс канаты жил.
Африка? Но кому эту
Я листаю до рассвета!
— Грузный лет ночных мышей.
— Кобры, в гуще камышей
Отвергнувше, когда
Мясо нежные стада
К водопою подойдут.
— И хвали растущий гул,
Будто спящей грудь слона,
И на бархатных ложбин
Вылазы кости. И раз в год
Змеи сбросят серебро
Своих шкур. Их должны ты
По тропам до пагоды
Что такое? [illegible] страх
Не [illegible] в чьих глазах.
Прокаженные цвета
Не вздымают здесь цветы,
Тел нет мокрых и тугих,
Нет и дождь не льются с них.
И не двигаются они
Ритмом джунглевой любви...
Что в грядущем — все для нас?
Что весь прошлый год? Сейчас
Покрывается листвой,
Дерево, забудь былой
Свой убор, — и лист, и плод,
Позабудь былой прилет
Птиц, свивающих столько гнезд
В густоте твоих волос...
— Триста лет прошло. И мне
Чуждо милое отцам,
Прошлость рощ, песок и зверь...
Что мне Африка теперь?
Так я лгу. Но нет покоя
Ни в прохладе мне, ни в зное,
Оттого, что [illegible],
Вверх, и вниз, и поперек
Улиц тела моего
Сети джунглевых дорог
Протоптывает зло.
Так я лгу. И тепло дождь
Колдовскую стирает мощь.
(— Никогда я спать не мог,
Под его журчащий ток!)
И, сходя с ума от боли,
Повторяю поневоле
Я его припевы. Так
Вьются на концах веревок:
— Эти ритмы обвертись
В теле, криком: «Обнажись
Рвонись платья поколений,
Плоть любовной наминай».
— Память ночи, память дня,
Дождь работает меня...
Ночь насквозь, и день насквозь.
— Хоть бы раз мне удалось
Своих я гордость отступить,
Чтоб себя не запятнать,
Чтобы уголь не сжигал
Лес сухой. Ведь я считаю
Этот лес сырым, но он
Суше, чем сушеный лен...
— Вот сейчас меня поймает
Сердцу нет и голове нет
Всей реализации
Моей цивилизации.

Перевод с английского

ЮЛИАНА АНИСИМОВА

Партийный коллектив писателей проверяет готовность к Октябрю

На открытом собрании ячейки ВКП(б) ФОСП, состоявшемся на днях в Доме Герцена, были заслушаны доклады издательств и [illegible] об их подготовке к 15-летию Октября.

Прежде всего надо отметить, что не все докладчики явились на собрание. Повестка дня сократилась ввиду отсутствия представителя РОНКП т. Шувалова и зав. издательством «Федерация» т. Цыпина.

Таким образом, были заслушаны только три доклада: т. Накорякова (ГИХЛ), т. Таргана (МТП) и представителя Всероскомдрама т. Россовского.

Тов. **Накоряков** рассказал, как на почве ограниченности бумажных лимитов пришлось преодолеть огромные трудности в выполнении плана издания юбилейной художественной литературы. Он перечислил ряд книг и сборников, которые будут изданы к 15-летию Октябрьской революции.

В прениях по докладу т. Накорякова указывалось на то, что «ГИХЛ в подготовке к 15-летию Октября недостаточное внимание уделил вопросам национальной литературы, не сумел подготовить к изданию ряд лучших произведений национальных писателей» (Коваленко).

Второй докладчик т. **Тарган** (МТП) сообщил о том, что издательство «Московское товарищество писателей» предполагает выпустить 25 книг на темы о социалистическом строительстве и 12 книг о гражданской войне, обороне СССР и строительстве Красной армии. Также предполагается выпустить сборник начинающих писателей-колхозников.

О работе Всероскомдрама в связи с XV годовщиной Октября рассказал третий докладчик М. Россовский. Организация начала подготовку с большим опозданием. Лишь в конце прошлого года были законтрактованы 70 драматургов, однако успели представить новые пьесы только 19. В списках не успевших окончить свои пьесы к 15-летию Октября числятся: Афиногенов, Киршон, Олеша, Файко, Романов и др. Из представленных Всероскомдраму пьес отобраны 10 лучших, которые будут ставить в дни 15-летия московские, ленинградские и провинциальные театры. В значительно худшем положении находятся клубный и эстрадный репертуары. За исключением выпускаемого ГИХЛ сборника песен и пьес в этом отношении Всероскомдрам ничего не сделал.

В прениях по докладу Всероскомдрама выступил т. Шейман, который сообщил о том, что на фронте детского театра сделано очень мало.

Выступивший затем т. Г. Коровеев указал на то, что «Московское товарищество писателей» до сих пор недостаточно учитывает свою специфику, которая заключается в выпуске книг, главным образом, отображающих гигантскую работу по социалистическому переустройству Москвы. Большинство книг, выпускаемых ГИХЛ, тематически непосредственно не связаны с XV годовщиной Октября, и цены большинства выпускаемых книг стоят на неимоверно высоком уровне. Таким образом, возникает опасность, что эти книги не сумеют дойти к массовому читателю. Целесообразно сейчас поставить перед соответствующими организациями вопрос об удешевлении книг, выпускаемых к XV годовщине Октября.

Говоря о докладе Всероскомдрама, т. Коровеев сказал, что [illegible] организация подготовилась к юбилею недостаточно. До сих пор на производственных совещаниях не организована развернутая критика новых пьес. Слабо проводится руководство драматургами на периферии. Не обеспечены пьесами самодеятельные театры.

Л.

*

Ячейка ВКП(б) ФОСП для выполнения заданий к XV годовщине Октября литкомиссии МК ВКП(б) и Краснопресненского РК ВКП(б) [illegible] ряд драматургов и писателей, в числе которых: Ф. Гладков, Никулин, Парфенов, Цыновский, Селивановский, Павленко, Российский, Симмон, Замойский, Гехт, Скворцов, [illegible], Исаковский, Макарьев, Мазнин, Таргин, Тарасов и Самсонов.

Поэту — большевику

Ударник сборки. Регулировщик мотора второго участка главного конвейера. Машина № 3.000 имени Безыменского. Ходатайство о премировании машиной «марки НАЗ» — вот что дарят рабочие Нижегородского автозавода поэту Безыменскому.

В письме к нему рабочие главного конвейера пишут: «За время твоего пребывания в нашем отделе ты своей творческой энергией дал нам очень многое и оказал социалистическую помощь в борьбе за выпуск автомобилей».

Автозаводцы уверены, что лозунг, выражающий требование передовой части рабочих, «прибавлять по одной машине, чтобы выпускать их по 300 в день», за который вместе с ними дрался поэт, они выполнят в ближайшем будущем. Это задание они берутся перевыполнить.

Рассказ «Верблюд» знает каждый рабочий. «Верблюд» стал синонимом разгильдяйства, расхлябанности, лжеударничества.

Рабочие инструментально-термического цеха в своем письме особенно подчеркивают роль «Верблюда». Рассказы о нем, — пишут они, — войдут в историю нашего завода».

Термички в день отъезда т. Безыменского с завода постановили: ввести поэта, как лучшего ударника-поэта большевика почетным ударником в лучшую бригаду калильщиков по быстрорежущей стали им. газеты «Правда».

В заключение автозаводцы пишут:

«Мы в надежде, что ты не забудешь нас и вернешься к нам для совместной борьбы за осуществление нашей программы».

Хроника искусств

■ Первого сентября открывают осенне-зимний сезон театры: ГАБТ (идет «Борис Годунов») и его филиал («Русалка»), МХАТ 1 («Страх»), Камерный театр («Неизвестные солдаты»). МХАТ 2 открывает сезон 5 сентября («Униженные и оскорбленные»).

■ Постановлением Наркомпроса студии под руководством Симонова передается помещение 6 студии Малого театра.

■ Историко-революционный театр включил в репертуар осенне-зимнего сезона пьесы: Л. [illegible] и Г. Крамарова «[illegible] 1905 года», А. Глебова и И. [illegible] «Бакунин», [illegible] и О. Литовского «Диктатура сердца» ([illegible]), М. [illegible] «Карийская трагедия»

Письмо в редакцию

Правила элементарной критической добросовестности, по меньшей мере, [illegible] не писать в разных журналах противоположных суждений [illegible] и правильно излагать критикуемую вещь.

Однако критик Брейман не всегда держится этих правил.

В Ленинграде, на диспуте в Выборгском Доме культуры, посвященном обсуждению моего романа «[illegible]», выступил среди других [illegible] работник [illegible] и в заключение [illegible] [illegible] критика Бреймана, который в рецензии на [illegible] в № 5 [illegible] института» пишет о романе [illegible], чем в своей же статье в № 7 «Молодой гвардии».

К сожалению, [illegible]. Достаточно сличить обе статьи, чтобы убедиться в этом. Мало того, Брейман [illegible] содержание романа [illegible].

Всякий, кто читал этот роман, знает, что [illegible] художественной форме [illegible] т. Сталина, показать [illegible] партии в борьбе за социалистическое переустройство деревни на основе разгрома оппортунизма, преодоления «головокружения».

Так, по крайней мере, оценивался роман в «Литгазете», и так он принимается рабочим-читателем и партактивом (см. материалы [illegible]), причем, например, студенты ленинградского комвуза пользуются им при своей практике в деревне и т. д.

Об этом основном содержании книги Брейман молчит и сообщает лишь, что в романе есть герой [illegible] и что автор и его [illegible] [illegible] относится к нему чуть ли не благодушно. [illegible] секретаря [illegible] на [illegible] вечерами, по [illegible].

Умалчивает Брейман о том, что она при этом называет [illegible] врагом и предателем, что [illegible] посвящено целое заседание бюро [illegible]. Умалчивает он обо всем, кроме нескольких [illegible] мест.

[illegible] своим долгом довести об этой «критике» до сведения советской литературной общественности и задать вопрос Брейману и редакторам [illegible]: как понимают они задачу поворота критики лицом к конкретной товарищеской помощи автору, с особой силой вытекающую из постановления ЦК о перестройке литорганизаций?

Г. БУТКОВСКИЙ

Поправки

В статье В. Рофенбейгера «Об одном памфлете Лафарга», напечатанной в «Л. Г.» от 23 августа, [illegible] опечатки.

В предпоследней колонке, во втором абзаце снизу напечатано: «Маркс все же склонен объяснять стимулы поведения деятелей, подобных Гюго, столь упрощенно, как Лафарг».

Следует читать: «Характеризуя политическое лицо «старой Луи Филипповской знаменитости, т. Виктора Гюго» с большой резкостью, Маркс все же не склонен объяснять стимулы поведения деятелей, подобных Гюго, столь упрощенно, как Лафарг».

В сносках 7 и 8 текст сносок не соответствует их цифрам. Текст седьмой сноски попал под цифру 8, а текст восьмой — под цифру 7.

Извещения

1 сентября, в 10 часов, в помещении секретариата Всероскомдрама состоится творческий вечер драматурга Ф. [illegible]. Докладчик — Б. Алперс. В прениях выступят товарищи: Амаглобели, Афиногенов, Оружейников, Россовский, Вандурский и другие.

31 августа, в 10 часов, в помещении редакции журнала «Земля советская» (ГИХЛ, 4 этаж) состоится отчетное собрание творческой группы «Опора».

Ответственный редактор
С. ДИНАМОВ
ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное об'единение

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
Москва, Тверской б., 25, Дом Герцена, 3 этаж.
Телефоны:
Секретариат 1-30-63.
Отв. редактор 2-89-12.

АДРЕС ИЗДАТЕЛЬСТВА:
Журнально-газетное об'единение: Москва, 6, Страстной б., 11
Телефон 5-61-60.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА НА 1932 Г.
На 12 м.—6 р. — к.
На 6 м.—3 р. — к.
На 3 м. 1 р. 50 к.
Рукописи не возвращаются.

КОНКУРС К XV ГОДОВЩИНЕ ОКТЯБРЯ

Октябрьская художественная комиссия по оформлению Москвы к XV Октябрьской годовщине об'являет **КОНКУРС** на лучшее художественно-архитектурное, скульптурное и световое оформление площадей, магистралей, предприятий, жактов (оформление дома, витрин), а также на лучшие самодеятельные изокружки.

Устанавливаются три премии на каждый об'ект (3.000 р., 2.000 р., 1.000 р.), а также почетные отзывы. Сроки представления проектов и эскизов: площадей—15 сентября—остальные об'екты к 10 октября.

По всем вопросам, связанным с Октябрьским конкурсом, обращаться к ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КОМИССИИ тов. МАЛКИНУ (Изогиз, телеф. 4 82-49, Цветной бульвар, 25)

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИППОДРОМ
30 августа
НОВАЯ ВСТРЕЧА УЧАСТНИКОВ
Скакового дерби
(2400 метр.)
ГИТАРА (победительница дерби), ГАЗЕЛЬ, ПАТЕНТ (победитель приза им. НКЗ СССР), ГЕНИЙ, ЗАТОР, ИНДУСТРИЯ, ТРАКТОР
30-го АВГУСТА
БЕГА
ПРИЗ им. БЕЛОРУССКОЙ ССР (дист. 2400 метр.)
Участвуют рысаки 4-лет:
ЗОНА, МИРАЖ, ПОДАГРА, ДЖОНИ-МОЛОДОЙ, МЕРКУРИЙ, НОВЫЙ-СТАН.
Начало в 2 час. дня.

Уполном. Главлита В 34819
[illegible] им. «Мосполиграф», пр. им. Скворцова-Степанова.